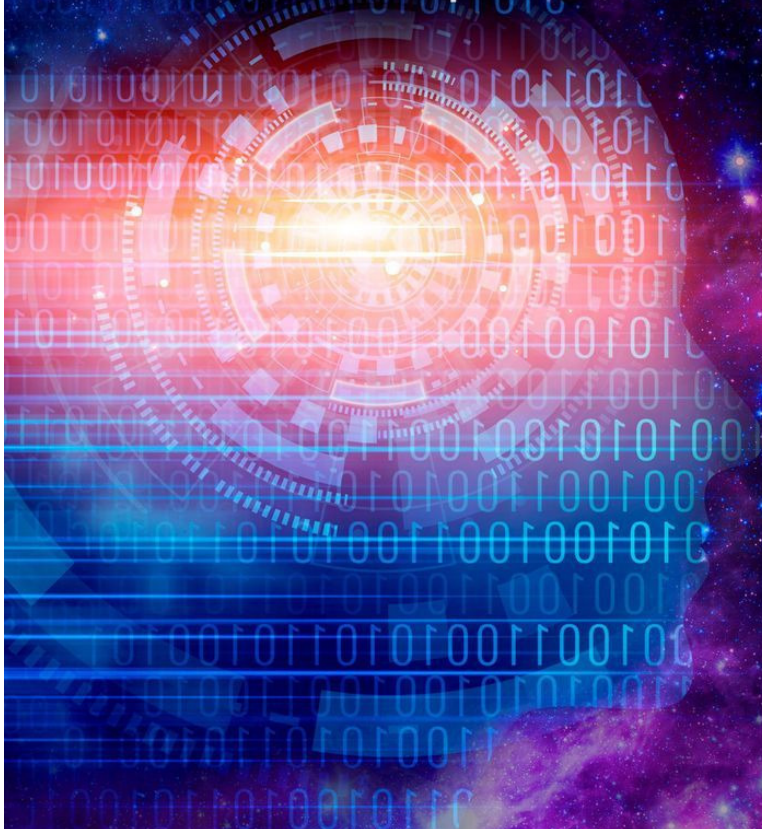

18+

Ли́ка Ке́ренская

Планета Исчезающих слов

Лица Керенская

Планета исчезающих слов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64461892

ISBN 9785005338464

Аннотация

На планете действует странный закон – каждое произнесённое вслух слово вылетает из сознания, оставляя после себя пустоту. Исчезает не просто память о слове, но и всё знание о названном предмете или действии. Есть исключение, но несущественное. Как выжила полунемая планета? Какова природа закона и можно ли его отменить? Как на планете появились люди? На все эти вопросы ищут ответы две экспедиции землян и главный герой книги, неожиданно для себя оказавшийся в центре глобального противостояния.

Содержание

Книга 1	5
Глава 1. Возвращение домой	5
Глава 2. Старое видео	19
Глава 3. Закон	25
Глава 4. Старик	34
Глава 5. Состязание поэтов	42
Глава 6. Война в эпоху Героев	61
Глава 7. Астероид	67
Глава 8. Догадка	83
Глава 9. Читающие мысли	86
Глава 10. Отец	98
Глава 11. Космопорт	109
Глава 12. Марон	119
Глава 13. Хранилище	129
Глава 14. Вербовщики	145
Глава 15. Раши	150
Глава 16. Первая экспедиция	159
Конец ознакомительного фрагмента.	161

Планета исчезающих слов

Ли́ка Ке́ренская

© Ли́ка Ке́ренская, 2021

ISBN 978-5-0053-3846-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга 1

Планета исчезающих слов

Глава 1. Возвращение домой

Моя мама умерла в год образования 1-го Межгалактического Союза. Его гордо называли 1-м с мечтой об обновлении и расширении, сразу мыслили глобально. 1-ый Межгалактический – это мамина победа, хоть она всегда говорила «мы», имея в виду всю свою группу.

Учредительное заседание Союза, изменившего всю нашу жизнь, прошло весной, а мама ушла осенью, так что у нас было целое лето и даже немного больше, чтобы вместе порадоваться и почувствовать вкус новой эры. Первые корабли из соседней галактики, первые туристы, робко входящие в здание Космопорта. Открытые границы. Как будто даже воздух переменялся.

– На что похоже, мам? – спрашивал я её. Это была наша любимая игра в ассоциации.

– На что-то хрустящее и звонкое. На яблоко!

И мы смеялись звонкому яблоку. Пока она не ослабела совсем, так что могла только улыбаться. Мы оба точно знали,

когда она уйдёт. Красная язва протекает у всех одинаково, и все этапы проходят как по расписанию.

Когда стало понятно, что случилось, я хотел сразу рвануть на Юкку – маленькую планету в созвездии Быка, откуда эту заразу привезли. Думал поработать над лекарством там, но мама посмотрела на меня насмешливо и коротко спросила:

– Испугался?

Сейчас уже могу признаться – Да. Мысль – предательство, мысль – побег. Я ничего не ответил, но остался. Ни разу об этом не пожалел. Эти последние месяцы общения представляются мне в образе золотого вина, которое мы пили маленькими глоточками, наслаждаясь и растягивая удовольствие. Понимая, что осталось его совсем мало.

Мы с мамой настолько связаны, что после её ухода дома стало невыносимо, и я всё-таки улетел и на 3 года отключился от привычных реалий, с головой погрузившись в поиски лекарства. Это был мой наркотик, мой способ забить боль.

Весёлая и простодушная Юкка с её знаменитыми двухсторонними восходами оставалась где-то за стенами лаборатории. Я никуда не выходил и ничего не видел, кроме своих реактивов и бесконечных таблиц. Результаты приводили в отчаяние. Землянам не помогало ничего, тогда как местные на эту язву вообще не обращали внимания. Она и называлась у них по-другому, потому что до последней стадии никогда не доходила. Они съедали пару кливилл – очень кислых ядо-

вито-зелёных плодов, похожих на перчики, за три дня выздоравливали и, как ни в чём не бывало, снова начинали распевать свои песни.

Этот забавный народец чуть не вымер полностью, но не от болезни, а во время Большой войны. Смертоносные корабли Орна удалились в уверенности, что сожгли всё живое, но оказалось, что прямо перед их нападением легкомысленная компания местных отправилась поглазеть на пещеры. Надо сказать, что если юккатиты собираются вместе, то это не меньше 20-ти человек и непрерывный галдёж. А тут наклёвывалось приключение, так что их было больше ста. Ростом они с четырнадцатилетних подростков, круглоголовые и с маленькими круглыми ушами, торчащими в разные стороны чётко, как велосипедные ручки. У девочек – смешные чубчики на голове. Они их красят в яркие причудливые цвета. Отправились они в пещеры и заблудились. Это их и спасло. Лавина огня катилась по поверхности планеты, но не могла проникнуть в её глубины. Не смогла она побороть и моря, хоть и была опасность полного вымирания его обитателей. Но потери были чудовищны.

Когда путешественники нашли выход, обнаружили, что все их друзья и родные исчезли, а планета стала чёрной как запёкшаяся сковорода. Они бродили по ней притихшие и потерянные, обходя горячие участки, пока не нашли маленький источник воды, рождавшийся от глубинных потоков, которыми так богата Юкка. Там устроили привал и целую неде-

лю пели грустные песни. Но потом кто-то нашёл зажаренную огнём зверушку, они обрадовались и устроили пир и танцы. А там и какие-то растения стали оживать. В общем, долго грустить они не умели, да и планета на удивление быстро оправилась от шока и покрылась зеленью.

Впервые появившиеся на Юкке земляне были так очарованы, что Большому Совету, как стали называть 1-ый Межгалактический, пришлось издать строжайшие законы для сохранения Юкки и её обитателей. Её могли просто вытоптать. Пригодных для жилья планет совсем немного, а чтобы ещё и курортные условия, и сразу два светила, и море, и полное отсутствие криминала – такого вообще не бывает. Были введены квоты на посещения. Тогда земляне стали искать обходные пути и важные причины, чтоб туда проникнуть – например, научные разработки. Кто только не устремлялся на Юкку что-нибудь поизучать! Поэтому дедок, выдававший мне пропуск, понимающе усмехнулся. Как бы мне хотелось, чтобы он был прав!

А ведь первые исцеления были полными и очень быстрыми! Но лекарство, однажды сработавшее, вдруг теряло силу, и следующего удачного случая можно было ждать месяцами. Я чуть было совсем не забросил биохимию. Красная язва издевалась и смеялась над нами.

На землю я вернулся аккурат на свой день рождения. 25 – это, конечно, не 33, но пора уже было что-нибудь совершить. Самое неприятное даже не то, что я застрял в тупи-

ке – это обязательная часть любого живого пути или процесса, а то, что я начал к этому привыкать. Только перекашивало от мысли об Эдди Роджере – нашем старшем сотруднике, может быть уже главе лаборатории. Вспоминался его противный, самодовольный голос:

– Подумай, Сандерс, может ты выбрал не ту профессию?

Я так разозлился от мыслей об Эдди, что двинул по прозрачному боку подлетевшего аэротакси, называемому в народе Стрекоза. Как будто это назойливое насекомое сейчас тоже заговорит противным голосом. Оно обиженно дёрнулось и умчалось, растрепав мне волосы на прощанье.

А потом над головой зажужжала механическая Муха, микроптер отдела рекламы:

– Господин Сандерс, наш Космопорт поздравляет Вас с благополучным прибытием на землю, а также с днём рождения. Примите наш подарок – купон на бесплатное посещение одного из наших заведений. Прослушайте список.

– Бар «Тихий ёж»! – выкрикнул я, представив бесконечный нудный список.

Муха запнулась на секунду, а потом тем же механическим голоском неопределённого пола произнесла:

– Ваш заказ принят. Получите купон. Он действителен в течение 24-х часов. Наш Космопорт желает Вам хорошего дня.

Из живота Мухи вылетел и завис на ниточке круглый пластиковый жетон в виде монеты с цифрой 25 посередине. Ес-

ли такие же выдают женщинам, желающим скрыть свой возраст, Космопорту определённо надо менять маркетолога. Я снял жетон с ниточки и засунул в карман, не выпуская из зажатой руки. Он был приятным на ощупь.

«Тихий ёж» был моей детской мечтой. Любимый бар первых астронавтов, вышедших за пределы галактики, легендарный. Я много раз пытался туда проникнуть, но мальчишек не пускали. Мне оставалось только заглядывать в изредка открывающиеся двери, едва успевая разглядеть лица суровых мужчин, стоящих в проходах, толпящихся у стойки или сидящих за столиками с пивом «Хейли» и другими напитками. Их сдержанные улыбки, неслышные мне разговоры. В моих фантазиях говорили они исключительно о дальних странствиях и недоступных простым смертным приключениях. Почему я не зашёл туда позже, когда вырос? Интересный вопрос. Наверно потому, что не хотел почувствовать себя чужим. Это было бы хуже, чем просто не иметь права открыть дверь. Но Муха застала меня врасплох, и детская мечта выскочила солнечным пузырьём, пока я не успел включить свои рефлексии и страхи. Защитная стена пала, сопротивление бесполезно. Я погладил жетон пальцем.

Дул лёгкий весенний ветер, солнце уже пригревало, и хотелось пройтись, возвращаясь в мир земных ощущений. Пахло клейкими листочками, оживающей землёй, даже еле уловимый запах дорожного пластика казался природным. Но пустота внутри меня за эти годы сделалась плотной. Я нёс

её через всю эту радость жизни как сосуд, закрытый от энергий окружающего мира. Это был мой способ самосохранения, перешедший в хроническое состояние.

До дома я дошёл минут за 20. Постоял, задрав голову на его уходящую вверх стену, гладкую и блестящую, прорезанную зеркальными полосками стекла. Это прозрачные стены квартир, обращённых к Космопорту. В детстве я мог часами простаивать перед огромным, от пола до потолка окном, глядя на взлетающие корабли. Иногда казалось, что я лечу или падаю. Кружилась голова, пол уходил из-под ног, желудок проваливался вниз, и я оказывался на полу, отползал, но снова притягивался к окну, замирая от ужаса и восторга. А сейчас, набрав на входе знакомый код и войдя в ту же гостиную, увидел, что к стеклу со стороны улицы прилеплена мятая бумажка с запиской от Раши:

– Даже не думай уклониться. Я помню какой сегодня день! И знаю, что ты в городе.

Надо заметить, что живу я на 115-м этаже, и, как уже говорил, вся стена с этой стороны совершенно гладкая. И Стрекозы на этой высоте не летают. Да если бы и летали. Я попытался вообразить невероятный эквилибристический трюк с приклеиванием записки к окну на лету. Без летального исхода не получалось. Любит он такие штуки.

Я коснулся записки со своей стороны стекла, а потом попытался её подвинуть. Она послушно поехала за моими пальцами. Ха! Теперь уже было ясно, что её можно растяги-

вать во все стороны, переворачивать и перекидывать на любые привычные носители. Раши развлекался, демонстрируя свои последние достижения.

Другое сообщение без всяких прикрас светилось на информационной панели:

– Господин Сандерс Йетс. С благополучным прибытием на Землю. Ваш доклад о результатах работы на Юкке назначен на 17—00 послезавтра. Если Вам неудобно это время, сообщите заранее. И значок нашей лаборатории – «Цветок в капле». Символ жизни, заключённой в наших лекарствах.

Всё, даже ни в чём не повинный символ, указывало на мою несостоятельность. И это было не просто отсутствием результата. Это стирало меня самого. Делало бессмысленным моё существование. И скоро об этом узнают все.

Я сел, упёрся локтями в стол и с силой вжал лоб в кулаки. Понемногу отпустило. И пришла спасительная мысль ухватиться за что-то такое, что вернуло бы ощущение собственного я. Как говорила психолог из соседней лаборатории, – «Вспомни, когда тебе было хорошо?».

В моём случае ответ прост до банальности – в детстве. Ну, если выкинуть один не очень приятный период. Детство ведь длинное, как целая жизнь. Я мечтал о полётах, а моим кумиром был Чен Ройс – знаменитый астронавт, покоритель Молчаливой. Его видеорепортаж с планеты пересмотрел столько раз, что выучил почти наизусть. Почему я так заикнулся на этом видео? Что оно для меня? Точка отсчёта, опора или

источник силы? Вот сейчас и проверю.

Не знаю, почему из всех знаменитых астронавтов я выбрал именно Чена, но мне хотелось быть на него похожим, я даже причёску такую себе сделал – длинную косую чёлку. И ещё рисовал шрам над левой бровью, который он получил в испытательном полёте. Я собирал всё, что только можно было о нём найти. И даже знал, что чёлка была призвана тот шрам прятать. Как появилась эта метка, и почему он так болезненно к ней относился, открылось много позже.

Я встал, вытянул из бара чудом уцелевшую бутылку вина со старинной пробкой – плод многолетней моды на всякую древность, и вытащил из рюкзака не съеденный в полёте и красиво запакованный завтрак. Как всегда на Юкке, к завтраку прилагался пакетик зелёных водорослей, для землян совершенно невыносимых на вкус. Я не стал их выбрасывать, а высыпал и аккуратно разложил на крышке от упаковки – пусть сохнут, порадую любимого друга. Захватив вино и завтрак, поднялся на второй этаж – в наш домашний кинозал.

Мысленно увидел Раши – худого, горбоносого и лохматого. Тогда он в первый раз очутился у меня дома и спрашивал, изумлённо оглядываясь:

– Ты собираешь это так и оставить? Сооружение эпохи динозавров!

– Да, они к нам заходили, – рассмеялся я. – Родители его построили ещё до моего рождения. Смотри, тут даже кресла потёртые. Понюхай, как они пахнут!

Крючковатый нос Раши осторожно втянул воздух и сморщился.

– Сандерс, ты опасный извращенец! Признайся, ты нюхашь по ночам носки! Могу подкинуть парочку.

– Ты настоящий друг! Представляю, как они тебе дороги.

– Не представляешь. Я готов пожертвовать лучшие! Антиквариат.

Раш водил вокруг глазами, которые всегда казались немножко безумными, и в них читалось страстное желание всё тут переделать. «Преобразование пространства» – так это у него называлось.

Раши прилепился ко мне в последнем классе нижней школы, в высшую мы уже поступали вместе. Я уже знал о существовании голубых и даже что-то в этом роде заподозрил. Но, заглянув в его мысли, обнаружил в отношении себя безмятежную чистоту, я ему почему-то просто нравился. Он, можно сказать, меня приручил и постепенно стал необходимым, почти частью меня. Я настолько привык всё с ним обсуждать, что даже мысленно строил свои размышления в форме наших диалогов. Даже шутки за него придумывал.

А вообще я в чужие мысли без особой нужды не заглядываю. Это я сам для себя решил, что-то вроде личного кодекса, возникшего как результат не столько благородства, сколько травмы.

Многие думают, что читать мысли – это очень здорово и интересно. А вы представьте пятилетнего мальчика, кото-

рого пытаются накормить какой-то гадостью. С моей кор­мёжкой всегда были проблемы, а самым отвратительным был суп с плавающими жилками! Меня и сейчас передёр­живает от этого воспоминания, само слово кажется скользким.

Отец уговаривает меня чрезвычайно ласковым голосом. Он всегда становился у него таким, когда я доводил его до белого каления. Он очень старается, а я вижу, как тарелка с ненавистным супом летит в стену, разбивается, во все стороны летят осколки и жирные брызги, а отец хватает меня за плечи и начинает дико трясти. Всего этого не происходит в реальности, но я вижу отцовские мысли так, как если бы всё так и было. Я не в силах отделить его ласковый голос от страшной картины. Это сводит меня с ума. Я кричу, вырываюсь, убегаю в дальнюю комнату, забиваюсь в щель между стеной и старинным шкафом, который мы зачем-то долго берегли, и впадаю в затяжную истерику.

Я считался нервным и проблемным ребёнком, а мне всего лишь было невыносимо трудно отделять внутренние мысли от произносимых слов. Когда меня просили что-то сделать, а думали о другом, я впадал в ступор и не двигался с места. Меня пичкали лекарствами, от которых становилось только хуже. Об истинной причине происходящего первой догада­лась мама.

Сначала её удивляло, что стоит ей подумать, что хоро­шо бы пойти и принести какую-то вещь, как я срывался с ме­ста и через минуту являлся с этой вещью запыхавшийся, до-

вольный и заглядывающий ей в глаза, ища одобрения. Мне очень хотелось быть хорошим. О своих наблюдениях она сказала отцу, но он решил, что это женские фантазии. Мудрая мать не стала спорить, и между нами возникли совершенно особые отношения. Тайный, никому не видимый канал связи.

Я постепенно усвоил, что надо внимательно смотреть, шевелит ли говорящий человек губами. И реагировать только на произносимое вслух. А мама стала сознательно контролировать свои мысли, общаясь со мной. Я физически чувствовал её усилия в попытке сосредоточиться на одной транслируемой, избегая мысленных раздвоений и уходов в сторону. Со временем у неё стало получаться. Когда же ей надо было передать мне что-то тайно, отлично этим пользовалась.

А потом начался ад подросткового периода. Вы удивитесь, но страшнее всего в нашем классе были не мальчишки с их безумными и грубыми фантазиями, а одна девочка очень интеллигентного вида. Мне даже хотелось всех предупредить, что с ней опасно иметь дело. Она не была злой, но в ней и вокруг неё разливалась кислота из ревности и зависти, разъедающая всё, что было ей, и к чему она прикасалась. Весь ужас и хаос, который она носила в себе, становился моим достоянием. Добавьте к этому молодую агрессию и возбуждение мальчишек – всё тайное, хранимое только для себя, – и вы получите тот мутный и горячий омут, в который я вынужден был погружаться в буквальном смысле с головой. Выдержать

это было невозможно. Я болел и пропускал занятия. А потом рассказал всё маме и... начал тренироваться. Она отлично меня настроила.

– Ты должен идти в школу не как на плаху, а как в спортзал, – говорила она.

И я приступил с решимостью и остервенением, да и выхода у меня не было. Подход, ещё подход... Удар прямо, удар сбоку. Сначала я научился блокировать мысли, не имеющие отношения ко мне лично. Сложнее оказалось с летящими прямо в меня. Но постепенно одолел и это. Хотелось ещё убедиться, что могу не давать читать свои. Но для этого нужен был другой читающий. Я как мог учился закрываться, просто по внутреннему ощущению.

Всё это заняло много времени и сил, зато теперь я стал почти нормальным человеком. Только очень люблю одиночество, тишину и возможность побыть наедине со своими собственными мыслями и воспоминаниями. Без лишнего напряжения, без необходимости создавать вокруг себя плотный энергетический купол. Я всё-таки от этого устаю. И одиночество для меня лучшая форма празднования. А Раши поймёт.

Вдруг меня осенила догадка! Я спустился вниз и подошёл к окну. Записка всё ещё висела на месте. Я растянул её немножко и рассмотрел. Никаких подсказок. Потом коротко стукнул по ней кончиком пальца, ругая себя за тупость. Появились значки: клавиатура, карандаш, выбор цве-

та... весь положенный набор для создания сообщения. Всё просто. Но я недооценивал Раши. Выбрал карандаш и нарисовал улыбающуюся рожицу размером с записку пальцем на стекле – на ней самой моё творение аккуратно уместилось в очень подходящее место. Ага! Теперь можно так пальцем и продолжать. Я вывел коряво:

«Привет! Сегодня не смогу. Скоро позвоню. Не обижайся».

Последнее, в принципе, можно было не писать – на такие вещи Раши никогда не обижался. Но я очень люблю составлять всякие графики. Сейчас в голове возникла шкала, на которой нулевой отметкой было просто отсутствие обиды, чистый нейтралитет. А вниз и вверх шкала продолжалась синим и красным цветом. Красный – любовь и дружба, синий – вражда и ненависть. «Не обижайся» разместилось чуть выше нуля на красной. Я остался доволен. Хотя подумал, что в мою схему надо внести поправку на степень обидчивости и болезненности клиента. Надо подкинуть Раши идею. Собираешься отправить сообщение, а лампочка тебе сигналит, что надо добавить красного или синего.

Я полюбовался на свои идеально размещённые каракули, стукнул по стрелке отправки, и записка со свистом улетела в направлении Нового города, где жил Раши. Это было красиво.

Глава 2. Старое видео

Я снова в зале. Отхлёбываю вино, вытаскиваю из упаковки любимую закуску с Юкки – слоёный сыр, проложенный травами, усаживаюсь в старое кресло и окунаюсь в воспоминания.

Мне 13, я вернулся из очередного похода в Хранилище. Мама сидит на кресле в дальнем углу и кричит:

– Санни, кинь мне пульт!

Я кидаю, она ловит, смеясь.

– Ну не так же буквально!

– Но ты же поймала. Мам, я хочу вам с папой показать одно видео. Ему лет 100.

Она слегка напрягается и закрывает от меня мелькнувшую догадку. Надо же, научилась закрываться.

– Ну, позови отца.

Возвращаюсь в реальность, беру в руки тот же пульт и ищу тот самый файл. Включаю видео... и ничего не понимаю. Вместо Чена на экране появляются мои родители. Я никогда не видел этой записи и не знаю, когда они её сделали. Меня накрыло холодной волной – вдруг та, с Ченом, пропала?! Выскакиваю из зала, кричу

– Том!

Из угла выкатывается металлический конус – наш домашний робот. Опытный образец, когда-то подаренный Раши.

Сам я в жизни не смог бы на такого накопить. Он выглядит гладким, но из его поверхности может выходить множество ручек и ножек разного предназначения. Фантастическая машина – я не использовал и половины функций. Сейчас Том отвечает голосом покорного раба из фильма про гладиаторов:

– Слушаю, хозяин.

– Какой идиот это придумал?

Впрочем, легко догадаться.

– Где файл с репортажем Чена Ройса?

– Диск Д, папка «Чен», файл «Чен», – рапортует Том.

– Там нет! Там другое! – у меня начинается паника.

Том делает короткую паузу, а потом выдаёт бесстрастно:

– Файл изменён 30-го октября 2613-го года в 23 часа 10 минут 15 секунд. Добавлена информация. Обновление запланировано 4-го августа 2612-го года в 13 часов....

– Достаточно. Спасибо, Том.

Мама. Это она запланировала «обновление» так, чтобы я посмотрел после её ухода. Точно знала, что это видео я буду пересматривать.

Почему она ничего не сказала? У нас никогда не было тайн. В голове моей внутренний сбой программы. И страх. Да, я очень боюсь узнать что-нибудь такое, что поколеблет мою безусловную любовь, моё абсолютное доверие. Мне требуется время, чтобы собраться и решиться на просмотр. Возвращаюсь в зал, усаживаюсь, делаю глубокий выдох, вы-

прямляюсь и только тогда нажимаю на кнопку пульта.

Первой говорит мама:

– Я, Лаура Йетс, часто выступаю перед школьниками, рассказывая об истории межгалактических отношений и образовании Союза. Но это моё выступление будет особенным, хотя многие факты, которые я буду упоминать, известны из учебников. В том, что я расскажу сейчас, есть очень личный аспект. Поэтому здесь присутствует мой муж, Актус Йетс. Я благодарна ему за то, что он согласился участвовать в съёмке этого видео. Он один из очень важных участников событий и поможет мне.

Моя мама опытный оратор. Её выступления всегда были яркими и уверенными, с широкими и выразительными жестами, эффектными паузами. Слушатели её обожали. А сейчас она с трудом подбирала слова и сидела, вцепившись в сиденье, как будто ей требовалась дополнительная опора в пространстве. Только увидев эти кадры, я понял, почему отец называл её детским прозвищем Воробышек.

Такой она была на первом заседании инициативной группы – совсем девочкой, испуганной и восхищённой грандиозностью собственного замысла. Это была её идея, сразу подхваченная группой таких же подростков с земли и ещё с нескольких планет галактики. На окраинах ещё шла война, опалённые ею только начали восстанавливаться, почти не было еды, а эти дети уже строили планы будущего прекрасного мира. Рассуждали о принципах дружественного со-

юза, об уникальности каждой планеты и её особенной роли в истории. Из работы в группе и родилась её дружба с отцом, обернувшаяся любовью всей жизни. Я не застал её такой, для меня она была сильной и уверенной женщиной.

На экране теперь отец:

– Для меня всё началось с того, что наш сын Сандерс показал нам очень старое видео.

Я отлично помню этот момент. Мне было 13, а родители сидели вон там. Я был взволновал и горд. И сейчас, после слов Актуса, точно, как и тогда экран начал мерцать и начался репортаж Чена. Соединение времён. Очень символично. Особенно если знать, что за этим стоит. Вы узнаете об этом тогда же, когда и я. Когда досмотрите видео до конца.

На экране молодой мужчина. Видно, что тренированный, но немного склонный к полноте. Я всегда ужасно волнуюсь, когда он появляется. И ещё трогаю свой живот, хотя до человека на экране почти век по времени и расстояние в несколько световых лет. Он говорит:

«Привет друзья. Я делаю эту запись сейчас, сразу после возвращения на корабль, чтобы потом никто ничего не перепутал, не приукрасил и не приврал. Рекомендую скачать, чтобы иметь документальное свидетельство из первых рук.

Я, штурман высшей категории Чен Ройс, землянин, отправился на Объект №3056N, как пишут в официальных отчётах, или на Планету исчезающих слов, как её назы-

вают все, в составе экспедиции, организованной Центром Межгалактических Исследований».

У него светлые волосы, а чёлка пока ещё ровная. Косой она стала гораздо позже. Начинает он резко, как будто пытается кому-то что-то доказать. Но быстро расслабляется и, перечисляя имена своих друзей, начинает улыбаться. Видно, что суровость он может только изображать, и надолго его не хватает.

– Он симпатичный, – отмечаю я удовлетворённо. И выпрямляю спину, вспомнив о своей привычке горбиться. Как будто он может меня видеть.

Чен продолжает:

«Нашим командиром и первым пилотом был Патер Соул или просто Пат, который участвовал в первой экспедиции на планету. Второй пилот – Янус Крейс. Оба земляне, хотя у Януса дед с Орна. Ян очень тощий, на голову выше нас и с едва заметным зелёным оттенком кожи. Друзья зовут его Змей, а враги Глист. А меня называют или Чени, или просто Че.

Как штурман я профи, но особенности планеты изучить толком не успел. Пат нашёл меня почти перед самым вылетом. Страшно подумать. Если бы не моё пристрастие к определённому сорту пива, если бы я от нечего делать не заглянул в «Тихий ёж» – нижний бар Космопорта, если бы не встретил там Патера и, если бы не согласился с его предложением, ничего бы не было. Вся наша история пошла бы

по-другому».

И добавляет, смеясь:

– Моё почтение фирме «Хейли», спасителям галактики.

Просьба не считать это сообщение рекламой.

Глава 3. Закон

Он делает паузу, как будто всматриваясь в свои мысли.

«На Планете исчезающих слов живут такие же люди, как мы. До сих пор никто не знает, как они там появились. В письменных источниках пока ничего не нашли, а у людей там ничего нельзя спросить. То есть, вообще ничего.»

Я прошу сейчас вашего полного внимания! Если пропустите то, что я скажу, дальше ничего не поймёте. На планете реально действует закон исчезающих слов. В дальнейшем я буду называть его просто ЗАКОН. Это не сказки, как думают некоторые. Не коллективный бред участников первой экспедиции. Это такое странное явление, когда при произнесении вслух слова, точнее какого-то цельного понятия, человек теряет весь опыт сказанного, всё знание об этом явлении или предмете. Слово вылетает в пространство, как пуля из магазина, оставляя после себя пустоту. Слова в том мире обладают невероятной силой, являются почти буквальными носителями своих значений, но произносить их люди боятся, чтобы не остаться пустыми».

Его голос звучит, а для меня исчезает всё вокруг. Я проваливаюсь в прошлое Планеты как в чёрную космическую бездну. Я знаю, что это мой мир. И мне надо каким-то непостижимым образом совместить вдруг начавшийся дождь за окном и этот голос с орбиты Молчаливой, как её стали назы-

вать потом.

А Чен продолжает:

«Мы имели образцы письменности, в том числе древней. Это область, в которой сильнее всех Пат. Он полиглот и говорит на 130-ти языках помимо межгалактического. По мнению Пата, на планете самый странный язык из всех виденных. Как будто составленный из нескольких, но так и не ставший единым. Как если бы на земле один документ писали по очереди и в случайном порядке на разных языках, постепенно забывая правила каждого. Вавилонское смешение в письменной форме. Начертания многих букв и даже слов напоминают земные – европейские и азиатские. И это тоже подтверждает связь с землёй. Это выглядит невероятно, учитывая, что в то время, как на Объекте №3056N уже жили люди, на земле ещё не было кораблей, способных выйти за пределы галактики.

Вопросов и тайн было такое количество, что мы решили начать с того, что казалось главным – разгадки природы закона исчезающих слов. Все научные теории сводились к трём основным мнениям. Первое и господствующее – закона не существует, это всё бред и выдумки.

Второе – закон естественен для жителей, как часть их природы. Они только внешне похожи на людей, но всё же инопланетяне. Если бы закон появился извне, никто бы не выжил.

И третье: закон – результат внешнего воздействия, при-

родного или искусственного, к которому люди постепенно приспособились.

Понятно, что Патер, участник первой экспедиции и наш командир, в реальности закона не сомневался. Как и в том, насколько он для нас опасен.

Без Пата я бы пропал. Мы все пропали бы. Остались бы вращаться вокруг полу-немой планеты, забыв об обо всём на свете. Мне даже приснился страшный сон – огромный паук, питающийся словами и отнимающий у людей память, тянет ко мне мохнатую лапу, а я убегаю, мучительно медленно, как продираясь сквозь вату и сам постепенно становясь ватным и бессмысленным.

Нам было известно, что любой пришелец не сразу подпадает под действие закона. То ли работает привезённый запас инопланетной энергии, и она является защитой. То ли таинственный «Паук» не сразу обнаруживает новеньких. Если дело в энергии, то, как бы ты ни был силен, твоё энергетическое поле нуждается в подпитке извне, и мало-помалу ты пропитываешься энергией планеты и закон получает над тобой власть. А если на планете расставлены «Паучьи» сети? Тогда никакой постепенности. Ты неизбежно рано или поздно в них попадёшь.

Пат тщательно проанализировал историю первой экспедиции и пришёл к выводу, что энергетическая теория вернее. Воздействие начинается постепенно, усиливается в течение 2—3 дней, а потом резко доходит до максимальной

точки. Короче, времени у нас было мало. И самой важной задачей Пата было за нами следить. Отмечать малейшие признаки воздействия, нам самим незаметные».

На экране появляются трое: Чен, Патер и Янус. Это началось видео с миникамер, постоянно сопровождавших и команду, и сам корабль. Жаль, что мало записей сохранилось. Местами Чен сопровождал их закадровым комментарием, что очень ценно.

Звук на время пропадает, но легко понять, что Ян остаётся за пультом управления, а Пат и Чен готовятся катапультироваться.

Два раскрытых парашюта, две капсулы ровно, как свечи, встающие на поверхность. Фиолетовое вечернее небо. Открывшиеся люки и перекошенное лицо штурмана:

– Фууууу!... Здесь можно не бояться испортить воздух, никто не заметит.

– Мне нравится твоё умение находить во всём положительные моменты – басит, как бочку, Пат, – Советую понюхать местные цветочки.

– Они так же прекрасны?

– Не то слово! Обворожительны.

– К этому можно привыкнуть?

– Скоро вообще перестанешь замечать.

– Погружаясь в зловоние или, например, в болото, человек быстро сливается с ним и перестаёт его замечать. Это называется счастьем?

– Это называется защитной трансформацией.

– Как хорошо иметь на всё красивое определение. Помому, это называется исчезновением личности, иначе смертью.

– Не драматизируй, это всего лишь запах.

– Да? Я уже забыл с чего начал.

– Заблудился в словах? Может ты и внутри застрял? Собираешься вылезать или так и будешь вещать из этого телевизора?

Чен вываливается из люка, ещё не сняв тяжёлого скафандра, но вдруг начинает радостно подпрыгивать, взмахивая руками на манер спятившего пингвина.

– Эй, кончай скакать! Надо привыкать к слабой гравитации и учиться ходить как солидные люди.

– Эгей! Оппа! Вот это да!!!

Чени, наконец стряхнувший с себя тяжесть скафандра, отталкивается от поверхности, как от батута, и делает сальто в воздухе.

– Если сейчас нас кто-нибудь увидит, привет всей конспирации.

– Надо пустить в открытый эфир видео с моими спортивными достижениями!

– Отставить болтовню!

– Слушаюсь, командир!

– *Носатый и кряжистый, с густыми чёрными бровями – это Пат,* – комментирует Чени. – *Он кажется свирепым.*

Отлично подходит для морального подавления противника. В реальности он самый добрый из нас и возится с нами как мамка. Его физическую силу мы нагло используем для поднятия тяжестей. Раньше спорили: откажется – не откажется? Теперь перестали – стало скучно, он соглашается всегда.

Теперь оба пытаются ходить так, будто несут по чемодану в каждой руке. Очень похожи на лягушек – ноги полусогнуты, но прыгучесть не уменьшается.

– Я надеялся, что получится обойтись без утяжелителя, но нет. Нас сразу вычислят. Погоди, сейчас принесу.

Патер одним прыжком допрыгивает до своей капсулы, заглядывает в люк и вытягивает оттуда две толстые свинцовые пластины.

– Ты предлагаешь мне с этим везде ходить?

– Привяжи к рюкзаку. Научишься ходить – выбросишь.

– Вот всегда так. Только научишься летать, как тебя свинцовым кирпичом к земле.

– На земле ты что-то не жаловался.

– Я не знал, что такое счастье, – и добавил совсем без смеха, – Иногда этого правда лучше не знать.

– Ты меня в гроб сведёшь своей философией! Я тебе всего лишь дал привязать к рюкзаку какую-то болванку, а ты скоро заплачешь.

– Никак нет, командир!

Утяжелитель крепится к рюкзаку специальной сеткой,

и походка действительно становится приличней.

Чен продолжает комментировать за кадром:

– На каждом из нас висел гаджет, по которому мы могли легко друг друга найти. Надо было проверить точки нашего положения по карте и вообще сориентироваться.

На экране Пат, тыкающий толстым пальцем в карту:

– Вот это лес. За ним город. Ночь тут короткая, надо идти.

Потом оба замирают, замороженно глядя на то, что тут называется лесом. В нём видны и привычные деревья, но в основном лес – это огромные растения, похожие на цветные водоросли. Они мягко покачиваются, хотя ветра нет. Особенно хороши розовые светящиеся стручки величиной с дом. Пат щёлкает пультом, и обе капсулы принимают вид таких стручков. В природе они редко стоят посреди поля, но это мелкая аномалия.

Уже надо идти, но Патер перехватывает умоляющий взгляд и даёт ещё немного времени осмотреться. Чени садится на корточки.

– Это что? Какой-то шутник забыл, где находится настройка цвета?

Всё, что располагается ниже примерно середины щиколотки, напоминает тонко и подробно прорисованную 3D графику в чёрно-белом режиме. Серая почва, серые камни, чёрные травинки и другие мелкие растения, мелкая живность: чёрная, серая, полосатая... Но, чем выше, тем больше появляется ярких, почти анилиновых красок. И все крупные

растения насыщены цветом, пожалуй, даже чересчур на наш земной вкус. Как будто оказался в детском мультике. Патер говорит, что мягкие и сдержанные цвета – редкость и очень ценятся у местной знати.

Некоторые листья оказались резными как рождественские снежинки. Только снежинки белые, а листья цветные, и узоры их прихотливей и разнообразней. С кончиков некоторых листьев свешивались красные или чёрные ягоды на тоненьких ножках.

– Красные – сладкие, а чёрные – кислые, – сказал Пат. – Ядовиты только светящиеся. А резными листьями девушки украшают одежду. Они долго сохраняют и форму, и цвет. Он улыбнулся чему-то. Похоже, воспоминанию.

– Пошли. Ни к чему светящемуся не прикасаться. Ничего не пробовать. На живность не реагировать. Даже не смотреть.

Здесь изображение пропало, остался только голос Чена. Пришлось напрямь воображение. Я закрываю глаза и слушаю. Всё последующее повествование ведётся от его имени.

Не реагировать и не смотреть оказалось самым трудным заданием. Из зарослей очень скоро показались круглые любопытные глаза и мохнатые уши. Их владельцы, похожие на маргышек, только с присосками вместо коготков, смешно щёлкали языками, старательно привлекая к себе внимание. И я всё-таки совершил ошибку. Совсем немножко поцокал в ответ, и на меня обрушилась целая стая. Скакали, трепали,

хватали за всё подряд.

– ЗАМРИ! – крикнул Пат.

И я застыл, как вкопанный, хотя ужасно чесались места, к которым эти твари прикасались. Они уже не казались такими милыми, а места их касаний начали темнеть. Поскакав на мне ещё немного, звери потеряли интерес и скрылись в зарослях.

Подскочивший Патер выпалил почти зло:

– Запомни раз и навсегда. Любую мою команду исполнять с абсолютной точностью. Срочно протри поражённые места. Через три минуты будет поздно.

Он сунул мне в руку бутылку с синей жидкостью, которую вытянул из кармана моего рюкзака.

– Мы были тут недолго, но многое успели понять. Умереть можно очень глупо, из-за совершенной ерунды.

Я вспомнил, что кто-то тогда не вернулся, но расспрашивать не стал. Лес стал казаться тёмным и враждебным. Кое-где виднелось розовое свечение, отражавшееся холодком в груди.

Если дальше и были какие-то опасности, я их не видел, стараясь смотреть только вниз и ступать по следам Пата. Мы благополучно дошли до края леса и даже немного поспали в походной палатке. Мне не хотелось, но Пат настоял. Надо было быть в форме.

Глава 4. Старик

Утром, сделав буквально несколько шагов, я выглянул из зарослей и обомлел.

– Невероятно, – прогудел командир за моим плечом. – Похоронная процессия. Чтобы так повезло в первый день...

Мы увидели совсем не то, что вы себе представляете. Не группа, не толпа, а буквально все. Все, кто только может ходить и кого могут нести. Бесконечная людская река, движущаяся по серой дороге. Быстро спустившись с нашей возвышенности, в ней можно было легко затеряться, но это только малая часть везения.

– Спуститься желательно незаметно, – прошептал Патер. – В толпе не болтай, а пока слушай меня.

– Когда на планете умирают старики, это возможность напитаться знанием и увеличить запас слов. Старикам даётся время говорить. Настоящее значение слов, произносимых голосом, не могут передать никакие книги, никакие написанные тексты. Здешние жители знают, но почти не воспринимают письменность. Написанные слова для них как пустые шкурки – оболочки, лишённые жизни. Поэтому для всех так важно послушать умирающих, пока они могут поделиться своей памятью. Старики иногда отказываются говорить, до последней минуты пытаются сохранить полноту своего мира. Потерять его страшно. Но большинство относится

к передаче опыта ответственно. Надеюсь, это такой случай.

Он сказал «даётся время». Это значит, что на протяжении всей своей речи человек остаётся в полной памяти. При этом в воздухе над местом действия возникает свечение неизвестной природы. А слова ясно слышат все, даже далеко стоящие. Когда свечение гаснет, опыт всех произнесённых слов покидает говорившего в один миг.

Такие паузы в действии закона возникали только в связи с особенными событиями, при которых собиралось вместе множество людей. О природе закона никто ничего не знал. Были те, кто считал, что им управляет всесильное божество, и те, кто верил, что Сам Закон и есть божество. Нам предстояло узнать истину.

Я вдруг сообразил, что могу ничего не понять. Что не знаю местного языка. Но Пат меня успокоил, хоть объяснение и звучало странно. На планету попали люди разных национальностей, так что поначалу и языков было несколько. Некоторые слова в отдельных языках были потеряны навсегда, но легко восполнялись теми же понятиями из других. В результате возник некий общепланетный язык, синтезированный из всех понятий, какие удалось сохранить разным народам. Полиглот Пат насчитывал до десяти синонимов одного и того же слова. Практически без оттенков значения.

Но это не главное. Постепенно выяснилось, что по мере проникновения закона в жизнь планеты, проблема понимания иностранной речи исчезла. Понятие передавалось

мыслеобразом, на каком бы языке не звучало. Форма слова оставалась подобием музыкального сопровождения, которое могло звучать по-разному. Собственно, это глубже объясняет невосприимчивость к письменной речи. Письмо сохраняло форму, лишившись главного – живого мыслеобраза. То есть того, что местные и считали словом. Пат сказал, что мы тоже сможем эти слова воспринимать. Я постарался сосредоточиться.

Оказавшись в толпе, поразился её шумности. Этих людей никак нельзя было назвать молчаливыми. Только вслушавшись, можно было заметить странность. Все речи состояли из простой констатации фактов, точнее, обозначения ясно видимых объектов и действий. На земле таких говорящих называют «господин очевидность».

– О! Красная шапка пришёл!

К толпе действительно приблизился высоченный детина в красной шапке. Раздался смех. Он видно был кем-то вроде местного клоуна и глуповато широко улыбался.

Некоторые окликали друг друга по имени. Полный господин в чёрно-белой полосатой тунике гордо произнёс:

– Моя младшая дочка!

И жестом указал на маленькую девочку в пёстром платье.

– Красивая девочка, – сообщила дама в зелёном.

Девочка действительно была кукольно-красива.

Выпяченная губа господина довольно дёрнулась.

– Новые ботинки! – хвасталась подружке девушка

в немыслимого цвета шляпке, приподнимая край платья.

– Ботинки, – эхом повторяла та, пробуя на вкус звучание слова.

– Мы идём вместе.

– Нас четверо, мы идём туда.

– Мальчика несут, он болен.

Последнее – пожалуй, высшей сложности предложение из всех, какие нам пришлось услышать. И всеми этими пустейшими банальностями люди обменивались взахлёб. Это была драгоценная возможность хоть как-то поговорить. Может, и услышать что-то новое по дороге к главному празднику. Всех захватило радостное возбуждение. А я вдруг заметил, что совсем перестал замечать запах. А потом вдруг осознал, что понимаю их речь без перевода. Так, будто всегда тут жил. Что-то тут было не так, но с этим я решил разобраться позже.

Мы остановились, дальше было уже не пройти, но мне было всё хорошо видно.

Старик лежал на возвышении на простой лежанке. Вместо матраса под него подстелили несколько слоёв больших мягких листьев. А под спину и голову те же листья были свёрнуты в валики. Он скорее полусидел, откинув на верхний валик очень бледное и сухое лицо. Судя по почтительности, с которой с ним обращались, человеком он был непростым. Светло-серый хитон украшала сиреневая полоса – признак изысканности.

Лёгкое движение старческой руки – и воцарилась абсолютная тишина. Казалось, даже птицы замолкли. В двух шагах от меня продолжал улыбаться «Красная шапка». Я проследил направление его взгляда – в пространство над головой старика.

Взглянул туда, и в этот же миг толпа выдохнула глухим «Ох!» и немедленно снова стихла. Над помостом, где лежал старик, возникло синеватое свечение. Ощущение огромного таинства и какого-то высшего присутствия охватило всех. А потом раздался голос старика, ясный и сильный.

Никогда в жизни я не переживал такого воздействия человеческой речи. Возможно, так звучали для апостолов слова Христа. Поэтому они могли потом воспроизвести их в точности. Эти слова входили в сознание так глубоко и полно, что становились частью тебя, твоим опытом, твоей неугасимой памятью. Их невозможно было забыть, я это сразу понял. Не надо было ничего записывать. На планете полагалось вести документацию и делать исторические записи, но это было для какого-то второстепенно-канцелярского мира. Или для пришельцев. Местные за настоящую признавали только живую речь.

Рассказ старика длился несколько дней. Он счёл своим долгом передать слышанное от предшественников, а это было как раз то, что мы искали – история! Начал с того, что с горечью констатировал, что никто не знает, откуда они пришли. Все самые древние сказания начинались с того, что па-

мать о планете исхода утрачена.

– Сейчас мы считаем планету своим домом, – говорил он. – И мне уже трудно понять, почему все старики, которых мне довелось слышать, уверены в том, что мы здесь пришельцы. Но вы должны сохранить это знание.

Потом заговорил о законе и сразу обрушил ставки тех, кто считал, что закон существовал всегда. По его словам, когда люди осознали его действие, первой реакцией был шок, но постепенно удалось приспособиться. Было замечено, что с самыми простыми понятиями почти нет проблем. С теми, которые обозначали предметы видимые. Потеря знания восполнялась сразу. Попросишь кого-то: «Передай яблоко», – и сразу видишь и предмет, и действие. Тем более, что знание, хоть однажды бывшее, восполнялось особенно быстро. И детей можно было легко учить словам. Точно так же, как мы это делаем на земле. Правда, родители предпочитали подстраховываться и обучать детей парами. Говорил всегда один, а другой показывал.

А потом детей надо было хорошенько испугать потерей слова. Этот страх поселялся в душах, чтобы не уйти никогда.

Мы наблюдали сцену – работающих отца и сына. Отец, стоя на деревянной лестнице, что-то приколачивал к перекладине над дверью. Сказал: «Молоток». Сын тотчас же подал ему. Скомандовал: «Гвозди». А сын замешкался, пытается открыть коробку. Отец испуганно обернулся, в глазах растерянность, почти паника. Когда сын поспешно протянул

гвозди, приговаривая для верности: «Вооот, гвозди», – отец заворчал нечленораздельно, но успокоено. В сущности, эти люди жили в состоянии постоянного стресса, уже не замечая этого.

Было назначено суровое наказание за речевой подлог и обман. Если кто-то видел, что на просьбу об одном тебе передавали другое, обманщика отправляли на сбор ядовитых растений, из которых делали лекарства, яды и некоторые красители. Срок не назначали, там умирали быстро. И это нельзя назвать неоправданной жестокостью. Люди осознали, что можно вообще потерять язык, а значит и всякую возможность коммуникации. Не знаю, известно ли им что-нибудь о Вавилонской башне, но они подстраховались, простые понятия более-менее удалось защитить.

А вот с понятиями сложными, прожитыми, выстраданными люди настолько не хотели и боялись расставаться, что постепенно они стали стираться из памяти. Старик постарался вспомнить все оттенки чувств, каким он знал названия: трагичные и смешные. Толпа реагировала очень живо. Да и у меня то наворачивались слёзы, то возникал неудержимый смех. Но в целом он с грустью констатировал, что теперь словесное общение стало мелким, бытовым. Почти всё, что за гранью наглядной повседневности, перешло в область неопределённых жестов и невнятных звуков. Даже сами чувства, не огранённые словесной формой, с трудом осознавались, плохо дифференцировались и пугали своей непости-

жимостью. Все согласно кивали головами.

– Но древние книги!.. – вдруг воскликнул старик.

Люди растерянно переглянулись.

– Да, книги. Не удивляйтесь. Раньше были люди, умеющие их воспринимать. Я не застал их, но мне рассказали, что книги говорят о том, что в прежние времена были даже певцы и поэты. И даже устраивались поэтические и певческие состязания соперников, влюблённых в прекрасную даму. Слово любви, облечённое в поэтическую форму, становилось настоящей стрелой Амура.

Глава 5. Состязание поэтов

Старик приподнялся на своём ложе, и мне показалось, что он помолодел. Глаза его сияли, на скулах появился горячий румянец. Заботливые сиделки прикладывали к его лбу и лицу кусочки ткани, смоченные в какой-то жидкости, но он оттолкнул их рукой. Даже голос его изменился, стал торжественным и вдохновенным.

– Время замирало до окончания состязания, и результат проявлялся после всех выступлений. Для влюблённых это было серьёзным риском, но в эпоху Героев, как она называлась, честь и любовь ценились выше жизни.

Он начал рассказ о состязании, и случилось что-то странное. Все погрузились в транс. Не смотрели на старика, не ловили каждое слово, а будто отключились. Кто-то покачивался, кто-то медленно вращался, кто-то сел на землю и обхватил колени руками. А потом в транс провалился и я. Ничего подобного я никогда не испытывал. Уже потом, анализируя, я понял, что силой слов говорящего погрузился в ту реальность, которую он нам описывал. Позже осознал, что в передаваемой через века картине что-то забывалось, что-то домысливалось, так что то, что мы видели, было уже творчеством старика, но творчеством не слушателя, а свидетеля.

Степень реальности переживаемого была феноменальной. Это я могу сказать даже геймерам, привыкшим путе-

уществовать по виртуальным мирам. Воспроизводимый мир и все люди в нём были настоящими, хоть и отделёнными от нас почти веком. И мы стояли под тем же небом, вдыхали тот же воздух и слышали такое же пение птиц.

Состязание поэтов проходило на высоком и пологом холме. Его можно увидеть с того места, где мы собрались в реальности. Место идеально подходило для того, чтобы множество людей могло расположиться вокруг главной сцены. Были устроены специальные места для знати, которая тогда только появилась.

Собственно, сцены в привычном нам смысле не было. Был высокий, пышно украшенный цветами трон для невесты, на который надо было подниматься по специальному длинному помосту. А напротив простые плоские площадки для соискателей её руки, приподнятые на высоту человеческого роста. Их было три, к каждой приставлена ступенька.

Характер украшения трона мог многое сказать о невесте. Она сама должна была выбрать цветовую гамму и расположить цветы по своему вкусу. Это всегда учитывали зрители, делавшие ставки. Считалось, что сердце простушки никогда не отзовётся на сложную, со множеством скрытых значений поэзию. Даже если это будет гениально. Хотя ничего нельзя было знать заранее.

Зазвучала музыка. Не сразу фанфары или что-то в этом роде, а очень тихая, заставившая всех прислушаться и перейти на шёпот. По дорожке, украшенной по краям светя-

щимися растениями с длинными листьями, из лесных зарослей вышла девушка. Я отметил про себя, что растения ядовиты и расположены опасно. Похоже, о том же подумали все присутствующие. А девушка улыбнулась и легко и быстро дошла до помоста, ловко уклоняясь от непредсказуемых колебаний этой в буквальном смысле убийственной красоты.

– Рисквая, – кто-то прошептал в толпе.

Я стал изучать её одежду и украшение трона. Пришёл к выводу, что делающим ставки, любящим простые и ясные подсказки, сегодня придётся непросто. И в одежде, и в выбранной гамме было сочетание сдержанных, сложных цветов с очень яркими и смелыми вставками и украшениями. Она безусловно была с характером творческим, сочетающим и способность тонко чувствовать, и лихой и смелый задор, который она не считала нужным как-то причёсывать. Я ещё не разглядел её лица, но от подачи пришёл в полный восторг.

Музыка заиграла что-то очень позитивное и солнечное, народ заулыбался. Под эту мелодию легкой походкой она шла по парапету. Мне ужасно хотелось увидеть её лицо, но я слишком далеко стоял, а толпа была плотной. Видимо, положение в реальности переносилось в пространство повествования – вокруг меня действительно было слишком много людей. «А нельзя ли использовать разницу гравитации?» – мелькнула шальная мысль. В следующую секунду я уже продвигался в сторону леса. Едва меня скрыли заросли, выложил свой свинцовый груз, постаравшись запомнить место,

оттолкнулся и в два прыжка оказался на нужном расстоянии.

К парапету я приблизился как раз тогда, когда она повернула голову и улыбнулась людям. Я успел подумать:

– Ух ты! А она похожа на японку.

И тут ведущий провозгласил её имя:

– Сой Йо.

– Уж не с земли ли они все? Этого не может быть.

Сой изящным движением села на свой цветочный трон. Музыка сразу изменилась, в ней появились задумчивость и лиричность. Музыкальное оформление скорее всего тоже её!

Настала томительная пауза перед появлением первого жениха.

– Интересно, что будет, если она откажет всем, если никто не тронет её сердца?

Я, кажется, начинал ревновать.

В её лице меня удивило состояние. Она совсем не выглядела хозяйкой ситуации и повелительницей сердец. А когда появился первый жених, откровенно испугалась. Она не может всем отказать! – понял я. Она обязательно должна кого-то выбрать и здорово рискует своей судьбой. Отсюда и такая подача. Чтобы вызвать смятение у недостойных и слабых. У тех, кто не её уровня. Но всегда существует одна опасность – люди, глухие и слепые настолько, что просто не видят ни её, ни уровня. И почему-то очень уверенные в себе.

Первым женихом оказался грубоватый парень в серой ро-

бе, украсивший себя ярким аляповатым цветком. Он широко кланялся публике, а Соё по-свойски махал рукой. Она напряжённо улыбалась. Зрители хихикали. Ведущий провозгласил его имя:

– Корнуэль Шесби.

Я почему-то подумал, что по-настоящему его зовут просто Кон, а претенциозно-манерное Корнуэль он придумал час назад. Соё буквально вжалась в свой трон, хоть и старалась улыбаться и сохранять королевскую посадку головы.

Но вот толпа зашумела, и показался второй жених. Пружинистой, я бы даже сказал спортивной походкой он подошёл к своей площадке, оттолкнулся от ступеньки, легко запрыгнул на возвышение и озарил Соё такой улыбкой, от которой любая из известных мне женщин умерла бы на месте от счастья. Соё слегка улыбнулась в ответ и уселась поудобнее. Её страх исчез, она включилась в игру.

– Рон Кидли, – объявил ведущий.

Толпа восторженно загудела. Я посмотрел на господина Корнуэля Шесби. Опущенные плечи, потухший взгляд. Он физически уменьшился в размере. Видно, только сейчас понял во что ввязался. Я злорадствовал!

– Ты, тупой деревенский детина, понял какая перед тобой девушка, только когда на неё засмотрелся этот самодовольный петух? Да он волоска её не стоит!

Я ненавидел их всех.

Третий появился как-то тихо. Незаметно прошёл через

толпу. Но на помост взлетел так же легко, как и красавец Рон. Был он немного ниже ростом и не такой плечистый. Но ладно сложен и весь какой-то лёгкий, с лицом, на котором мгновенно отражалось каждое движение чувства и мысли. Я засмотрелся на это удивительное явление, подобное отсутствию телесности. Даже упустил из виду изменение состояния Сой. Она смотрела с интересом, но без откровенного восторга. Можно понять – красавчик Рон был действительно очень хорош. А это при прочих равных имело значение.

– Лариус Марциус! – воскликнул ведущий, и кое-где в толпе тоже послышались приветственные крики.

У него были свои горячие поклонники.

Началась церемония вручения подарков невесте. Порядок сохранялся: первым Корнуэль, потом Рон, последним Лариус.

К парапету подвели большую белую корову. К моему удивлению, никто не засмеялся, а Сой выглядела искренне благодарной. Она встала и произнесла:

– Это прекрасный подарок, Корнуэль. Она очень красивая.

– Она тоже выбирает слова, – подумал я. Но второй мыслью было то, что она сегодня много получит. Чем-то можно и рискнуть.

Корнуэль краснел и смущался. Был тронут, но уже знал, что рассчитывать ему не на что. А мне стало понятней, что произошло. Деревенский парень видел в Сой миловидную

девушку из бедной семьи, такую же, как и он, ничего больше. Считал, что, если он умеет немного рифмовать, этого будет достаточно, чтобы завоевать её сердце и обеспечить себе семейный уют до конца дней. Слепец не виноват в том, что слеп.

Пришла очередь Рона. Подарок был ожидаемо пышным, богатым и эффектным. Много лент, много цветов и даже фейерверк. Всё было старательно срежиссировано – цветы вылетали из рога изобилия, и под конец Сой на своём изысканном троне оказалась осыпанной пёстрыми лентами и яркими цветочными гирляндами. Это было ужасно, но главным было ожерелье. Действительно красивое и светившееся волшебным голубоватым светом. В толпе зашушукались. Ведущий жестом потребовал показать ему вещь. А потом объявил:

– Это украшение сделано с использованием светящегося растения. Цветы заключены в прозрачные капсулы и не будут касаться кожи.

Волна возмущения поднялась в толпе и стихла.

Ко мне вдруг протиснулся Пат и загудел на ухо:

– Обрати внимание. Ведущий произносит длинные предложения. Ведущим всегда выбирают самого опытного и искусного знатока закона. Он говорит много, но придерживается обычных правил – всё, что он называет, он видит.

Но мне было не до ведущего. Я пытался вместить услышанное. Этот красавчик Рон сделал Сой эффектный,

но смертельно опасный подарок.

– Я принимаю дар, – произнесла она.

Протянула руку, взяла ожерелье и надела на шею. Оно озарило её прекрасное лицо, но я заметил страх и смятение, мелькнувшее в её глазах. Этот человек не любил её, хотя бросал ей вызов, а она была азартна.

Пришла очередь Лариуса. Он снял с шеи небольшой кинжал в резных ножнах и точным движением бросил его Сой. Она поймала.

– Прошу тебя, моя королева. Если я проиграю, убей меня. Мне будет приятно знать, что твоя рука сделала это.

Толпа вдруг зашумела, но не по поводу его слов, а потому что в воздухе появилось свечение.

– Он говорил свободно, не оглядываясь на закон, – восхищённо шептал мне в ухо Патер. – И закон покрыл его. Свечение появилось раньше начала состязания.

Сой и Лариус молча смотрели друг на друга. Ленты Рона, повисшие на убранстве трона, стали выглядеть особенно нелепо.

– Обещай мне, – попросил Лариус.

– Обещаю, – прошептала она.

Только в этот момент я осознал насколько высоки ставки в этой игре. Протрубили начало состязания. Теперь невесте полагалось молчать до конца всех выступлений. Луч света высветил Корнуэла. Он был неглупым парнем и понимал, что заранее проиграл. Теперь надо было сохранить ли-

цо и выйти из борьбы с наименьшими потерями. Читать приготовленный стих было опасно. Времени на подготовку не было. Его экспромт был не лишён выразительности и звучал так:

Вознесённая на трон красота
– Это то, что видят стоящие здесь люди.
Но никто не может видеть, о Сой Йо,
Какой трон я воздвиг в груди своей.

В этот момент он прижимал к груди руки, чтобы всем было понятно, что он имеет в виду, а заодно чтобы и слово осталось при нём. Он старательно избегал таких понятий как душа, сердце и любовь.

Ты кажешься такой близкой.
Я могу дотронуться до тебя рукой.
Но ты мучительно далека.
Я вижу, как ветер колышет край твоего платья,
Но ты остаёшься загадкой и чудом.

Так можно было продолжать бесконечно, Сой уже начала скучать, но он не стал испытывать её терпение и быстро закончил.

Приди ко мне, о Сой Йо,
Стань моей королевой.

И вдруг выдохнул со всей болью и искренностью:

Я так долго о тебе мечтал!

Это было самое короткое выступление за всю историю поэтических состязаний. Соё улыбнулась и в утешение бросила ему цветочную гирлянду Рона. Гирлянда упала ему на голову и плечи и сделала совсем смешным и нелепым. Народ пытался сдерживаться, но то тут, то там вспыхивали смешки над незадачливым женихом. Впрочем, скоро внимание переключилось на Рона. Начиналось настоящее состязание.

Невероятно красивый, в эффектной театральной позе, в белой рубашке, сияющей в луче прожектора, он выдержал паузу и начал:

Я знал, что есть любовь.

Я слышал от начала

Дыхания и слов, что лепетала мать,

Что существует мир, где сердце у причала

Бросает якорь, чтобы навеки стать

Частицей той земли, единственно-возможной,

Единственно-своей, единственно-родной.

По тоненьким мосткам, ступая осторожно,

Чтобы счастье не спугнуть и страхи превозмочь.

Соё замерла и приподнялась на своём троне. Народ слушал, затаив дыхание. Сердца раскрылись. Тут и там загора-

лись маленькие принесённые с собой свечи. Рон сделал паузу и оглядел толпу. У меня было такое ощущение, что он собрал все эти доверчивые огоньки, расправил крылья и бросил в бешеный поток, наращивая ритм и не жалея глотки:

Я знал, что есть любовь! Но я не видел цели.
Слепые маяки светили в пустоту,
Я в шторм себя бросал, как в царские постели,
Я парус разрывал, как флейта немоту.

Сой едва заметно напряглась и медленно опустилась на сиденье трона. Но Рон её уже не видел. Он упивался собой и его несло в совсем опасную откровенность.

Я знал, что есть любовь. Но не познал и тени
Блаженства гибели в негаснущем огне.
В конвульсиях несбывшихся рождений,
В явленье ангела на огненном коне.

Он казался безумным. Воздух дрожал. Внезапно налетевший ветер погасил все свечи. А Рон поднял лицо к Сой:

О, я узнал тебя! Моя святая Муза!
Ты жизнь иль смерть моя? Объятья отвори.
Ни мужа без жены, и ни жены без мужа
Не будет в небесах. Но мы навек одни.

Мы избраны судьбой,

Нам этот мир чужбина.

Мы выше, мы в кольце невидимых комет.

В пустом мельканье дней, в огне летящих лет,

В сиянье вечности нам жизнь и смерть едины.

Когда он закончил, толпа взорвалась аплодисментами. Я бы даже сказал, переходящими в овации. Но Сой была спокойна. Она что-то важное для себя поняла и даже не пыталась улыбаться.

Она встала и бросила гирлянду Рону, только чуть приподняв уголок губ. Гирлянда упала красиво и прекрасно смотрелась на его театральной фигуре. А он смотрел на Сой, постепенно осознавал, что с ним будет дальше, и его глаза наполнялись ужасом. Игры со смертью, которыми он привык бравировать, оказались не так безобидны и очень близки к воплощению, хоть он и очень старался себя обмануть.

– Здорово же он её напугал! – прошептал Пат. – Так, что даже тот деревенский увалень оказался милее.

– Тот не опасен, а Рон настоящий демон.

– Этот да. В конвульсиях.

– Пожалуй, это даже пошло.

Наступил последний раунд состязания. Лариус в луче света казался совсем прозрачным. В том, как он смотрел на лицо Сой, озарённое голубоватым светом ожерелья, читалась неподдельная тревога. Но по правилам состязания пока он не мог ничего сделать. Однако произнёс:

– Надеюсь, я ничем не напугаю тебя, моя королева.

Сой горделиво вскинула голову.

– Меня не просто напугать, – сказала она.

Но было видно, что замечание попало в точку. И не обидело Сой, а скорей поддержало. Как будто Лариус протянул ей руку, говоря:

– Я понимаю твои чувства. Обопрись, я с тобой.

Она села поудобней и расправила плечи, стараясь не касаться спинки трона, чтобы случайно не раздавить хрупкие бусины.

А Лариус улыбнулся и начал читать:

Моя вселенная прекрасна!
Дрожит окошком слюдяным.
В нём солнце, быстрые стрекозы
И птичий гомон, и полёт.
В ней ты! И этим завершился
Мой поиск смысла бытия.
И если вдруг другой, не я
С твоей судьбой соединится,

То всё равно прекрасен мир,
Тебя родивший. Счастлив я,
Тебя увидевший. И радость
Мою не сможет он отнять.

Она не в памяти – в крови,
В биенье любящего сердца,
В восторге, в пламени

Порой меня сжигающем.

В листве, где выкликают имя птичье
Твои сородичи. Ведь ты
Крылата и легка как сойка,
как яркий прочерк в небесах.

Порой мне кажется, что ты
Пришла к нам из другого мира.
Порой, что весь наш мир – твоя
Незамолкающая песня.

Что все деревья, травы, даже
Все ядовитые цветы
Тебя признали госпожой
И служат все тебе с любовью.

Так мог ли я не преклонить
Колен и сердца, и ума
Перед тобой – дитя, царица,
Сестрёнка милая, жена.

Невеста на высоком троне,
Волшебница в цветном лесу,
Моё таинственное счастье,
Что то страшит меня, то греет,
То ожиданием томит.

Я твой. Скажи, – Умри, – умру.

Скажи, – Приди, – навек останусь.
Но буду вечно изумлён
Подарку царственному Неба.

С первых его слов Сой невольно улыбнулась. А когда он закончил, тихо сказала:

– Приди.

Потом замерла в нерешительности. А потом засмеялась, сбежала вниз, протянула ему руки. Первым делом он снял с неё ожерелье и передал кому-то из своих друзей. И только после этого вздохнул свободно. А потом они обнялись и сначала долго стояли, не желая разняться, а потом снова раздался смех и какая-то весёлая лёгкая болтовня, детская и безбашенная. Между ними сразу возникли отношения такой дружественности, какая бывает у одноклассников или ребят из одной компании, у которых есть свои особенные словечки, только им понятные.

Прислушавшись, я вдруг осознал значение этой переборки как будто ничего не значащими шутками, в сущности пинг-понга на краю пропасти. Вот сделаешь подачу – и твой шарик улетит в бездну и может никогда к тебе не вернётся. Свечение ещё держалось, у них ещё было время, и они рисковали и рисковали, посылая друг другу всё новые и новые мячики слов: отобьёт – не отобьёт, орёл или решка? То, что между ними сейчас происходило, походило на сверку часов, на обмен тайными кодами. И с каждым ответным пасом

в пространство врывался такой всплеск радости узнавания, что эта радость охватила всех.

Иногда их смех стихал, и они задавали друг другу разные важные вопросы. Я стоял близко и слышал, но не считаю себя в праве их передавать, это очень личное. Они старались отвечать друг другу с предельной честностью и такой серьёзностью, как будто от каждого ответа зависит их жизнь и судьба. Некоторые вгоняли Сой в краску, и у неё смешно розовели уши.

«Единственно своей, единственно родной...», – вспомнил я строчку из стиха Рона, и мне стало его жалко. То, что для него было мечтой, для этих двоих стало просто жизнью.

Родители с детьми старались протиснуться вперёд и, показывая им на стоящую впереди пару, старательно, хорошо проговаривая, произносили: любовь, радость, счастье.

– А ведь этим образом любви и счастья сейчас кодируется весь народ, – заметил Пат.

– По-моему, очень неплохой код. Я вот сам с удовольствием закодировался.

– Смотри, смотри! – Пат так толкнул меня в бок, что я улетел в сторону – спасительный утяжелитель всё ещё лежал в лесу.

Собрался рассердиться, но когда увидел, куда смотреть, расхохотался.

Господин Корнуэль, на которого явно живительным образом подействовали волны любви и радости, лихо переки-

нул через плечо свою гирлянду и, пожирая глазами курносую рыжую толстушку, строил ей потешные рожицы. Толстушка краснела и хихикала.

– Сой обзавидуется, такой красавчик.

– Да, поспешила она его отшить.

И в этот миг погасло свечение. Народ ахнул.

Три ярких белых луча выхватили из тьмы фигуры и лица всех соперников. Корнуэль для приличия сделал печальное выражение лица. Он почти не изменился. Сой и Лариус оказались сидящими на земле. Она гладила его голову, лежащую на её коленях, и повторяла на разные лады:

– Любовь, любовь, муж, любимый...

Любовь лежала перед ней, очевидная и несомненная. Она могла сколько угодно произносить это невероятное слово, которое растекалось волнами по головам слушающих, входило в их сердца, объединяло всех.

Лариус, казавшийся бездыханным, с лицом, бессмысленным как маска, постепенно оживал. На лице появилась сначала неуверенная, а потом блаженно-счастливая улыбка. Всё, что он отдал, не потерялось. Оно было заключено теперь в этой маленькой, склонившейся над ним фигурке. И она была его!

В сторону третьего луча многие старались не смотреть. Рон сидел и раскачивался как болванчик.

– А почему на Рона не подействовало?

– Не на него одного, – мрачно заметил Пат, кивая на непо-

движно стоящего парня в двух метрах от нас.

На его лице выделялись скулы, обтянутые синеватой кожей. И холодные, смотрящие поверх голов глаза. Рот был сжат в небрежно-презрительную гримасу.

– Думаю, что он из фанатов Рона. А природа бесчувственности проста. Ты можешь воспринимать энергию и значения только тех понятий, для которых в твоей душе есть, чем на них отзываться. Это так же, как с Корнуэлем, только страшнее.

– То есть, если Рона возбуждают игры со смертью, он искал это в Сой. Думал, что она такая же?

– Да. Только эти не играют, у них всё по-настоящему.

Тем временем, к Рону подошли барышни из поклонниц, но он посмотрел на них такими пустыми и страшными глазами, что они с визгом убежали. Друзей, способных его спасти, у него не было, а всегда сопровождавшая толпа завистников прятала друг от друга глаза, скрывая тайную радость, которая была слишком очевидна. Все так и разошлись, а вчерашний кумир остался сидеть на пустом холме. Его взгляд привлекла светящаяся вещица. Он сцапал её и стал с ней играть. Нитка порвалась, бусины рассыпались. Умер он не страшно, во сне. Улёгся прямо там, на холме, случайно раздавив одну из бусин. Утром его нашли и похоронили. В его могилу положили и все рассыпавшиеся бусины.

Но это ещё не всё.

На следующий день Сой и Лариуса нашли убитыми. А ещё

через день обнаружили и убийцу. Того самого скуластого парня из фанатов Рона. Он не отпирался и даже ничуть не изменил презрительного выражения лица. На вопросительный взгляд судьи коротко бросил:

– Мечь.

После того, как это слово слетело с его тонких губ, он на секунду вскинул голову, но поглядел вокруг, и губы снова искривились презрительно.

– Что это значит, Пат?

Я очень внимательно отслеживал все проявления действия закона. В моём представлении, парень должен был чувствовать полную растерянность, потеряв знание о мотиве своего поступка. А он почти не изменился.

– Это значит, что парень дьявольски умён. Бросил людям кость для простачков – логичный и понятный мотив. А настоящий скрыл. Думаю, что он включал и мечь, так что он вроде и не соврал. Но настоящий глубже. И я, кажется, понял, в чём дело. Только давай не сейчас, а то пропустим важное.

Мне ничего не оставалось, как согласиться.

– Его сразу казнили на площади, – закончил свою речь Старик, – даже не послали на опасные работы. Больше такие состязания не проводились.

Глава 6. Война в эпоху Героев

Старик сделал паузу, а мы, как будто только очнувшиеся от глубокого сна, оглядывались вокруг. Я оказался на приличном расстоянии от того места, где стоял раньше. Значит, мой прыжок в лесу был реальным, хотя по моим ощущениям произошёл в другом пространстве. Не знаю, как Пат меня нашёл и оказался рядом.

Но об этом я забыл его спросить, потому что вдруг увидел и осознал, что весь совместно пережитый через рассказ старика опыт, никуда не исчез. Что вокруг меня стояли вдруг ставшие родными люди. Мы вместе пережили высочайший взлёт и большую трагедию, и теперь это всё это стало нашей общей жизнью. Впрочем, оказалось, что это не единственный рассказ о любви и о битве поэтов, который нам предстояло услышать.

Старик, собравшись с силами, продолжил:

«Время останавливалось ещё во время войн. Да, тогда даже бывали войны. История не помнит, чтобы в какой-то войне было больше одного сражения. Выглядело оно так. Два самых сильных поэта от каждого из воюющих народов выходили на единоборство. Слова того воина, на чьей стороне была правда, получали дополнительную силу. Но если даже самый правый воин был неискусен, у талантливого агрессора появлялся шанс на победу. За спиной у каждого воина-предводи-

теля стояла армия из солдат группы поддержки. Солдаты выкрикивали разные поражающие слова – реальные обвинения или просто ругательства, и тоже играли свою роль в битве.

Воины-предводители были людьми предельно самоотверженными. По окончании сражения погибали оба. Один, сражённый смертельным искусством соперника, другой сам падал на меч. Это было единственным знанием, которое он оставлял себе. Воины выкладывались настолько полно, что к концу последнего как бы сейчас сказали раунда, когда время вспоминало свой ход, победивший был пуст настолько, что походил на обезумевшего ребёнка.

Проигравший битву народ предавался грусти, а победивший торжеству, смешанному с печалью. Проводы героя обставлялись пышно, а победное застолье сливалось с поминальной тризной.

Но в тот год всё было не так. В год высочайшего взлёта, с которого началось Великое Уныние, продолжающееся до сих пор».

Мы снова провалились в транс, и слова старика обратились в осязаемую реальность.

«Когда окончилась многолетняя битва между Севером и Югом, в которой без малейших сомнений победил Юг, предводитель южан, высокий человек с лицом пророка, повернулся к зажатому между камней мечу, и глаза его были как пустые глазницы. Он уже сделал шаг, когда между ним и мечом встала женщина и слово в слово повторила ему

все те огненные слова, которым он поразил сердца северян. В этих словах был не только гнев, отлитый в безукоризненно смертельную форму. В них была и великая боль за свой народ и вообще людей, и призыв к покаянию, и жажда справедливости, и жгучая горечь от мысли о том, что из-за чьей-то ненасытной жадности ему предстоит умереть.

Она ничего не пропустила. Она готовилась к этому дню. Собрала всё, что известно о законе, все самые мелкие подробности. Обнаружила, что есть лазейка, которой никто давно не пользуется. Что если ты отдаёшь чужой опыт, твой остаётся с тобой. Но для этого надо было овладеть особой техникой – слушать, не впуская чужой опыт в глубину своего сознания, не делая своим. Потом она училась запоминать длинные тексты. Заучивала с листа целые трактаты. Была готова к тому, что учить с листа труднее, чем с голоса, особенно любимого. Чтобы вместить в сознание книжные оболочки слов, нужно огромное умственное напряжение. И ещё большее, чтобы их удержать, чтобы они не рассыпались сухой сморщенной кожурой и не разлетелись как от ветра. У неё получилось!

По мере того, как она говорила, его глаза наполнялись жизнью. Он выпрямился и расправил плечи. Народ заворожённо смотрел на обоих. Они стали такой парой, каких ещё не бывало на той планете. Они ничего не боялись терять. Он пел ей песни о любви, а она одним взглядом возвращала ему потерянный опыт. Она шептала ему ласковые слова,

а он касался рукой её лица – и память о всех ласках мира возрождалась в её сознании.

Им пытались подражать. Развернулось целое движение «За свободу самовыражения». Недолго оно продержалось. Довольно скоро рискнувшие обнаружили, что в парах один из отдающих постепенно начинает невосполнимо пустеть. Даже в тех, что, считались гармоничными, вскоре поселялся страх, и кто-то один начинал закрываться. Неосознанно, незаметно даже для себя. Потом страх накрыл всех. Собственно, с этого и началась Эра Уныния, наша эра».

Мы вышли из транса и грустно слушали окончание его речи.

«Жизнь наша в целом неплохая, мирная. Вы знаете, что воинов сменили дипломаты, больше похожие на бухгалтеров. Домохозяйки готовят еду, мастеровые что-то производят, рождаются дети, которые очень быстро учатся молчать. Только во всём сквозит страх и тоска, точит всех, особенно талантливых. Сейчас даже музыка перестала спасать. Её как будто стали бояться. Она острее заставляет чувствовать неполноту и несвободу.

У нас начались кожные, нервные и сердечные болезни. Некоторые сходят с ума. Пока не понятно, к чему это приведёт, но вы наверняка знаете, что стали появляться странные дети, которые вроде бы читают мысли. Их бояться. Но есть люди, которые считают их предвестниками нового мира. Я уже стар. И не увижу, что из этого выйдет. Но надеюсь

на лучшее.

Благодарю, что приняли мои слова. Теперь я буду продолжать жить в вашей памяти».

Свечение стало медленно гаснуть, и старика поспешно увели в дом. На лицах людей появились слёзы. Мы переглянулись и свернули в лесок, чтобы обсудить услышанное и увиденное. Хотя говорить не хотелось. Очень трудно было переключиться, выйти из пространства огромного и величественного – реальности, поднявшейся до высот мифа, в мир собственных мыслей и чувств.

Но реакция Патера была необычной. Он, конечно, был взволнован, но, помимо этого, имел странно-смущённый вид. Похоже, что в его сознании возродились какие-то воспоминания и невольно захватили его внимание.

– У нас совсем мало времени, но я попрошу тебя немного пройтись. Можно отставить утяжелители здесь для скорости.

– Докуда нам надо дойти?

– До той стороны холма.

– Ого! Обычным шагом мы до вечера будем идти.

Мы нашли приметное дерево, прикрыли пластины большими чёрными листьями и огромными прыжками устремились вперёд. Когда Пат подал знак, остановились и, осторожно подойдя к краю леса и прячась за деревьями, выглянули.

За лесом был пологий спуск, хорошо утоптанная дорога, несколько деревянных домиков, а за полосой огородов виднелся настоящий городок, куда очень хотелось пойти, но Пат

запретил.

– Мне надо увидеть одного человека, – сказал он, пряча волнение. – Только увидеть. Люди уже возвращаются домой.

Скрывать эмоции Пат не умел совершенно. А я удивлялся тому, что даже не мог представить, что наш крепыш-командир может быть в кого-то влюблён. И что может быть даже такое, что кто-то влюбится в него. Это было невероятно.

– Куда смотреть? – спросил я

– Вот на этот дом.

– Ты там бывал?

– Да. Однажды. Смотри!

Мы увидели, как из-за поворота дороги вышли двое: молодая симпатичная женщина и полноватый мужчина лет 50-ти. Шли они чинно, под руку, но иногда она устало прижималась щекой к его плечу. Пат смотрел, не отрывая глаз. Смотрел так, как будто сама жизнь шла сейчас по направлению к дому и, как только скроется за дверью, так для него и закончится.

Господин отворил дверь и пропустил женщину вперёд. Пату это понравилось, он даже немного успокоился. И когда они оба скрылись в доме, помедлил секунду и, резко повернувшись, сказал:

– Надеюсь, что он добр к ней.

Весь путь назад он молчал, и я не решился беспокоить его вопросами.

Глава 7. Астероид

Если отбросить все переживания, то надо признать, что мы мало приблизились к разрешению загадки, ради которой рисковали собственным мозгом. Из важного мы узнали то, что закон не природное явление. Это следовало из того, что он был не всегда. Решили, что надо обязательно познакомиться с читающими мысли. Оставалось их найти.

– Если они действительно читают мысли, то должны выйти к нам сами, – предположил я.

– У нас нет времени ждать.

Последние два дня Патер тревожно наблюдал за мной, всё чаще заменяя слова жестами. Донимал меня проверками по тесту, но я пока ещё помнил всё – просто появлялись новые привычки. Самым тревожным было то, что лёгкие изменения появились в речи нашего второго пилота. И его трансформация шла быстрее. Поначалу это казалось совершенно необъяснимым, пока меня не озарила догадка. Источник закона находится вовне – на околопланетной орбите.

Мы связались с Янусом и не успели слова сказать, как он протянул в своей обычно-расслабленной манере:

– Я, кажется, понял, откуда идёт сигнал. Это пока не объект, но область на орбите.

Видимая расслабленность Змея всегда была обманчива. А тут и без того было понятно, что надо срочно возвращать-

ся на корабль и тщательно обследовать даже самый незначительный мусор, вращающийся вокруг планеты. К тому же Янус, несмотря на строго соблюдаемый режим отдыха, здорово устал. Спокойно спать, пlying в космической бездне и вверив все наши жизни приборам, не получалось даже у него. Я помню наше общее изумление, которое было трудно скрыть, когда он вернулся.

– Что? – спросил Змей, спускаясь с трапа и слегка покачиваясь. – Я как-то особенно похорошел? Что вы так уставились?

– Ты оочень красивый! – прогудел Пат и добавил: – Ты стал, как бы это сказать, интенсивнее.

– Зеленее что ль?

– Нну да, пожалуй. Тебе это, конечно, к лицу, но давай мы отложим вылет на пару часов, я не перенесу такой красоты, мне надо привыкнуть. А ты пока поспи. И потом, если честно, мне совсем не хочется остаться без второго пилота.

– Так я и знал, что ты только о себе беспокоишься.

– А как же! – Пат расплылся в довольной улыбке и засуетился, устраивая Змею лежбище.

Но долго спать ему не дал. Вскоре и лежбище, и сама планета отделились примерно на 200 километров, а мы втроем уже вращались на её орбите, внимательно вглядываясь в иллюминаторы и прощупывая радарами все встречающиеся объекты.

Ян кивнул на небольшой астероид или то, что им казалось,

и мы буквально прилипли к нему, сравнив скорости вращения. Несмотря на небольшие по космическим меркам размеры, на него можно было высадиться. Приборы не фиксировали никакого особенного поля. Датчики радаров не выходили из привычного диапазона показаний: много железа, имеется платина, золото, несколько редких металлов. Но что-то было не так. Легчайшие задержки отражённых сигналов. Их можно было вообще не заметить, тем более, что в них не было постоянства. Волна не меняла рисунка, но то взлёты, то падения едва заметно замедлялись, а потом снова выравнивались. Как если бы кто-то начинал говорить, немного растягивая слова, почти незаметно для уха.

Мы выбросили гарпун с тросом. Зацепиться удалось только на третий раз, зато прочно. Поверхность была очень твёрдой и покрыта зёрнами металла. Наш гарпун не пробил её, а попал в углубление, застряв в его выступающих краях. Мы с Яном начали осторожно спускаться. Дополнительная трудность заключалась в том, что астероид вращался. Но Патер, сменивший вконец измученного Змея, демонстрировал чудеса пилотирования. Корабль казался спутником астероида. А его совместное с ним вращение естественным, как будто корабль был частью небесного тела, соединённым с ним невидимым стержнем. Гибкий трос не колебался и не менял угла наклона. Если бы кто-то мог наблюдать со стороны, решил бы, что трос и есть тот самый стержень, а корабль припаян к нему как увеличенная модель товара номер 1 из сувени-

нирной лавки нашей Космостанции. Такие сувениры почему-то дарили всем мальчишкам, у меня дома тоже есть – корабль на металлической спице, торчащей из бесформенного куска железа. Весь этот сумбур ассоциаций вертелся у меня в голове, когда мы коснулись поверхности астероида.

Теперь надо было медленно, закрепляясь на каждом шагу как при вертикальном восхождении на гору, обследовать метр за метром. Гравитация на астероиде настолько слабая, что без фиксации можно улететь в открытый космос. Мы, конечно, были связаны с кораблём пуповинами фалов, но незапланированные полёты на них таят слишком много неожиданностей.

Мы продвигались, вглядываясь в обломки породы под ногами, но не замечали ничего выдающегося. И вдруг... Первым встрепенулся Янус. Это было невероятно! Посреди небольшой ровной площадки, усыпанной мелкими камнями и металлическими зёрнами, очень просто и как-то буднично располагался люк. Был он почти чёрным, под цвет местного металла, но не блестящим, как капли, а благородно-матовым и каким-то очень чистым, как ухоженная дорогая вещь. Посередине располагалась плоская ручка, связанная с винтом, которым люк и закрывался. Оставалось повернуть. Я попытался мысленно вспомнить какие-нибудь молитвы.

Долгое время ручка не поддавалась. Сколько мы ни пытались, она стояла неподвижно, как намертво слитая с люком. Тогда мы вспомнили «Первое правило астронавтов» из сво-

да нашего шутника-инструктора – «Если чего-то невозможно достичь силой, надо включить мозг». Золотое правило, не раз выручало. Мы стали внимательно исследовать поверхность люка и обнаружили малюсенький выступ на его ровном крае. Такого рода включатели я видел на картинках древних фотоаппаратов. Лёгкое нажатие – и выступ повернулся как защёлка. Включился механизм, и ручка сама начала медленно вращаться, открывая люк. Если его создатели хотели спрятать механизм, то их погубил перфекционизм. Надо было весь край сделать неровным. Или они были уверены, что люк никто не найдёт? В самом деле – кому придёт в голову спускаться на астероид на окраине галактики? Да ещё в то время, когда сюда никто не летал. Но как тут появились люди? Ладно, лишние вопросы потом.

Как бы то ни было, но мы стояли у открытого люка. Осталось войти.

Змей легко просочился вовнутрь, а я уже буквально протискивался. Хорошо, что с нами не было Патера. Его пришлось бы заталкивать. На кого, интересно, рассчитан этот вход?

Мы оказались в темноте, хотя это конечно было ожидаемо. Только собрались включить фонари, как раздался голос робота.

– Приветствую господин. Приветствую господин. Напоминаю. Закрывать люк. Не включать свет и ничего не трогать. Можно снять скафандры, подача кислорода будет обеспе-

чена. Вас приветствует Астероид 4Н86Р, добро пожаловать на станцию. Начинается проверка безопасности.

Я потянул за ручку люка и, стоило ему прикрыть выходное отверстие, как притягивающий её винт начал автоматически вращаться.

– Маринованные огурцы, – задумчиво прошелестел Ян. Его в принципе нельзя было вывести из созерцательно-задумчивого состояния.

– Если вы голодны, на станции есть запас пищевых концентратов, – сообщил робот.

– Спасибо, дружище. Мы обойдёмся.

Робот, судя по всему, не очень привык к такой манере общения, но держался молодцом. Сделав совсем короткую паузу, он продолжил:

– Ваши имена и звания.

– Пилот Ян и штурман Чен, – ответил я, решив говорить правду, но давать как можно меньше информации. – А к Вам как обращаться?

– Сейчас вопросы задаю я, – бодро отчеканил робот предусмотренную на случай нарушения регламента фразу.

Но потом к моему удивлению добавил:

– Ярконб, 6-ой дежурный станции. Есть ли у вас с собой оружие?

– Две маленькие лазерные пушки, обязательная часть экипировки.

– Отстегните, положите на пол и сделайте три шага вле-

рёд.

Было понятно, что хитрить бесполезно, и мы выполнили команду. Я ожидал, что сейчас раздастся треск, и наши пушки раздавит какой-нибудь пресс, но, судя по звуку, механическая рука смела их в какой-то контейнер.

– Не волнуйтесь, вы получите ваше оружие при выходе.

И на том спасибо. Я обратил внимание на то, что гравитация тут искусственно усилена, мы спокойно стояли на ногах. Рассчитана на людей, или подстраивается под пришедшего?

– Низший уровень доступа, – объявил Ярконб. – Где ваш командир?

– Остался на корабле.

– Вы получили инструкции? У вас есть связь?

– Да, самые полные. Связь есть.

Мы переглянулись с Яном. Было понятно, что робот принял нас за хозяев или их посланников. Но как они должны себя вести? Он что-то ещё проверил, а потом проговорил:

– Приступайте к работе. Требуется обновление системы.

– Можно включить свет?

– Если включите свет, ничего не увидите.

В следующий миг пространство наполнилось мягко светящимися объектами с цифрами, знаками и индикаторами разных цветов. Оказалось, что стены того отсека, в котором мы стояли, были целиком заполнены панелями приборов.

– Можем мы задавать вопросы?

– Можете.

– Можем мы пройти вовнутрь станции?

– Можете пройти в следующий отсек.

Мы аккуратно двинулись вперёд и оказались в довольно просторном помещении с несколькими светящимися дверями, которые были закрыты. Света, однако, было совсем мало, а середина зала и вовсе скрывалась в темноте. Я спросил:

– Весь астероид – это станция?

– Да, это станция.

– Это искусственный астероид?

– Нет, астероид настоящий.

Я вспомнил, что мода на станции в виде астероидов была в позапрошлом веке, но потом от них отказались. Затратно, громоздко, много технических сложностей. Но тогда делали искусственные, а тут было что-то другое.

– Кто хозяин станции? – спросил я в лоб.

– Недостаточный уровень доступа.

Ян коснулся меня рукой, но я и сам уже понял, что надо заходить осторожно.

– 6-ый дежурный, ты сменил 5-го?

– Я сменил 5-го дежурного.

– Тебя сменил 7-ой дежурный?

– 7-ой дежурный не прилетел.

– Когда он должен был прилететь?

– 12 лет назад.

Я присвистнул.

– Ты работаешь на 12 лет больше заданного?

- Да. У меня большой запас прочности.
- А 5-го дежурного ты сменил вовремя?
- Нет, на 7 лет позже, чем было положено по инструкции.
- Другие дежурные тоже прилетали с опозданием?
- Нет данных.
- Как ты менял дежурного?
- Проверил оборудование и свою связь со станцией.
- Всё было хорошо?

Робот помолчал.

– Тогда было хорошо. Требуется обновление. Вы должны сделать обновление.

– Хорошо, хорошо – сделаем. Момент передачи станции от одного дежурного другому опасен?

– Если оба дежурных исправны, это не опасно.

– Чем опасна задержка дежурного на станции дольше, чем положено по инструкции.

– Непредсказуемо.

– Ты считаешь, что станция работает нормально?

– Станция и приборы работают по инструкции. Я работаю по инструкции.

– Может случиться так, что ты начнёшь ошибаться?

– Я не должен ошибаться, это очень опасно.

– В чём заключается твоя работа на станции?

– Я слежу за приборами и передаю информацию.

– Какого рода информацию?

– Положенную по инструкции

– Ты следишь за Объектом 3056N?

– Приборы следят за Объектом.

Мы начинали ходить по кругу.

– Веди себя как инструкция, – шепнул мне Ян.

Совет был отличным, я даже стал говорить отдельно, немного подражая роботу.

– Проверка, Яркон 6. Проверка перед обновлением. Отвечай чётко. Что должны делать люди на Объекте?

– Они должны работать и ни о чём не думать.

Мы переглянулись, ошарашенно.

– А что они делают?

– Они делают много лишнего. Они мало работают. Я всё делаю по инструкции.

– Ты воздействуешь на них?

– Приборы воздействуют, но не всегда получается. Это не по инструкции. Но я работаю по инструкции.

– Ты молодец, не переживай. Что мешает приборам?

– Люди мешают. Они собираются вместе, они блокируют сигнал. Это не по инструкции.

– Как приборы воздействуют?

– Недостаточный уровень доступа.

Я аж вспотел от напряжения, придумывая вопросы, чтобы расколоть этого механического партизана

– Что должны делать люди?

– Они должны собирать растения. Они мало работают. Они много говорят. Инструкция плохо работает. Я работаю

по инструкции.

– Не волнуйся, ты молодец. Ты работаешь по инструкции.

– Да, я работаю хорошо.

– Как ты борешься с тем, что они много говорят?

– Я только посылаю отчёты и слежу за приборами.

– Что делают приборы?

– Недостаточный уровень доступа.

– Какие данные ты посылаешь?

Робот затараторил, зачитывая список наполовину закодированных наименований, но что-то можно было разобрать. Часто появлялось слово «код». Поначалу я просто пропускал его мимо, считая обозначением дальнейшей последовательности знаков. Но зачем объяснять кому-то, что код – это код? Программисты не любят утяжелять язык избыточными понятиями. И тут до меня что-то стало доходить. «Код» – достаточно ёмкий термин. Мог означать слово, понятие или обозначение. Значит... Они передавали данные о словах! Количество слов, какие слова, за какое время... Что с ними происходило?

– Приборы стирают память? – спросил я в лоб.

– Нет, всю память стирать запрещено, люди не смогут работать, есть и размножаться.

– Приборы стирают слова!

– Недостаточный уровень доступа.

– Как долго ты сможешь работать?

– Ещё 50 лет. Но могут накопиться ошибки. Пора обно-

вить систему. Вы должны обновить систему.

– Мы обязательно её обновим, даже не сомневайся. Что будет, если станция взорвётся?

– Программа станет вечной и неуправляемой. Нежелательный сценарий.

Ледяной холодок появился у меня между лопаток.

– Как она сохранится? – ошарашенно спросил я.

– Недостаточно доступа.

Эх, надо зайти с какой-то другой стороны, а я уже выдыхался. И тут помог Ян.

– Копии программы работают по инструкции?

– Копии заблокированы.

Я решил проверить одну догадку и пошёл вабанк:

– Взрыв – это снятие блокировки. Да? Нет?

Робот замолчал, но после паузы признался:

– Снятие блокировки – сильный взрыв, очень сильный взрыв.

– Все носители копий в сохранности? – вкрадчиво поинтересовался Ян

– Да.

– Все 10 000?

– Да.

– Все 100 000?

– Да.

– Весь миллион?

– Да.

- 10 миллионов?
- Нет данных.
- Умница.
- Неизвестная команда.
- Учи. Это значит, что ты работаешь хорошо.
- Принято. Я работаю хорошо.
- А чтобы было совсем хорошо – где находятся копии?

Это чипы?

- Недостаточно доступа.
- А так хорошо начиналось.

И вдруг мы услышали фразу:

- Станция – это главное. Станция – это центр.
- Ну вот можешь же!
- Изменение уровня доступа.

Мы снова переглянулись, а я прошептал:

- Видимо, мы догадались и перешли на уровень выше.
- Ну давай, детка. Включение и выключения всех программ производится только через станцию?

– Через две станции.

Пот уже тёк с меня ручьём.

- Это ещё что?
- Как работает команда выключения программ?
- Нет данных. Тут нет пункта выключения программ.
- Она находится на Объекте?
- Недостаточно доступа.
- Люди на Объекте об этом знают?

- Нет, люди не знают.
- Где находится выключатель программ?
- Нет данных.
- С какой планеты эти люди?
- Недостаточно доступа.
- Кто создатель этой станции?
- Недостаточно доступа.
- Что будет, если я включу фонарь?
- Ты ничего не увидишь.

Я посмотрел на Яна, тот кивнул, мы включили оба фонаря и тупо уставились на здоровенный камень посреди каменной пещеры. Там действительно ничего не было. Ян присвистнул:

- Чистая работа!
- Не то слово.
- Мы пошли, Ярконб. Приятно было познакомиться. Ты нам очень помог.

Мы выключили фонари. Свет на панелях загорелся только в отсеке возле люка. Пришлось идти сразу туда. Открылся контейнер, в котором лежали наши пушки, нежно подсвеченные голубым.

- Надевайте скафандры, сейчас откроется люк.
- Спасибо, дружище. Ты хорошо работаешь. По инструкции. И обновление тебе не требуется.
- Счастливого пути, – вдруг пожелал робот.

Улыбки получились у нас кривые. Надеюсь, что он не уви-

дел.

Мы вытянули свои тела из узкого люка. Ян легко, как выплыл, а я слегка застрял и получилось резковато. Чуть не улетел, не рассчитав перепада гравитации. Уже оторвался от поверхности, когда меня схватил успевший закрепиться Ян. Сидел, вцепившись в наскоро забитый крюк одной рукой. Другая рука была вытянута, а на ней болтался я, и душа моя тоже болталась где-то в районе горла и готова была выскочить. Наглого и бесчувственного Змея это ничуть не волновало, он с интересом меня рассматривал.

– В весе потерял, а ничуть не похудел, – заметил он задумчиво.

– Поставь меня на место!

– С каким местом на этом прекрасном плато ты так сроднился, что считаешь его своим?

– Перестань издеваться! – и тут у меня вырвалось совсем детское. – Я Пату скажу!

Аргумент подействовал. Ян притянул меня к поверхности, ловко повернул и поставил на ноги. Я зло всадил в поверхность крюк.

– Нашёл время дурачиться

– Ты был как шарик, понимаешь?

С этим трудно было спорить, как и вникать в логику Змея.

– Скажи лучше, что ты обо всём этом думаешь? – Я ещё не отошёл от обиды, но времени на разборки не было.

– Надо срочно возвращаться на планету и искать этот про-

клятый выключатель.

– А если нас уже заденет?

– Если будет совсем опасно, то мы расскажем там кому-нибудь адекватному, пусть сами ищут.

– Соломоново решение.

Мы обернулись на люк. По нему пробежало что-то вроде облачка, смахнув всю пыль, которую мы подняли, вылезая. Он снова стал девственно чистым.

Глава 8. Догадка

Тут я напомним, что всё это я, Сандерс Йетс, частично слушал, частично наблюдал, сидя перед экраном домашнего кинозала. И на этом месте прервал просмотр. Сбежал вниз и стал проверять состояние поверхностей, на которых обычно скапливается пыль. Провёл рукой по столу, пригляделся к стеклу оконной стены. Всё было идеально чистым. Я позвал:

– Том!

– Да хозяин! Здравствуй хозяин.

Он, конечно, просто домашний робот, но я знал, что фирма Раши билась над ним довольно долго. Я даже не уверен, что космические корабли сложнее. Он мог подниматься по лестницам самого разного рода, ползать по гладким стенам и скакать по кочкам. Он убирал посуду, вытирал пыль, собирал грязное бельё и делал ещё массу всякой домашней работы. А ещё он умел говорить, – «Соберись, тряпка!» и «Фу!».

Я помню, что самой большой проблемой, над которой долго бились, стало, как ни странно, вытирание пыли и вообще уборка поверхностей столов. Опасность заключалась в том, что робот мог смахнуть в мусор что-то полезное: какой-нибудь микрочип с важной программой или записку с именем или названием. А учитывая общую рассеянность

землян и веками сохраняющуюся привычку записывать важные вещи на обрывках чего угодно, задача была не из лёгких. Использовали сканирование поверхности, загружали тонны подсказок – всё не то. Пока вдруг мне не позвонил возбуждённый Раши и не заявил, что ему срочно нужны деньги. Что нужная программа существует и не надо изобретать велосипед. Надо её просто купить и интегрировать в работа.

Я расслаблено сопротивлялся, говоря, что таких денег у меня отродясь не бывало, что он наверно перепутал сумму с расстоянием до Марса и всё такое. Но уже знал, что не отвертеться. Если Раши что-то надо по работе, он не слезет. Пришлось поднимать мамины связи, устраивать ему встречи, и в результате очень быстро робот появился в продаже. Все расходы окупились в первый месяц. Это был грандиозный успех.

Странно, что тогда я даже не поинтересовался, откуда взялась эта волшебная программа. И теперь ощутил особый зуд в верхней части живота от ощущения, что держу в руках ключ от древней загадки.

Я снова нажал кнопку старого пульта и погрузился в голос Чена:

«Отвернувшись от внезапно очистившегося люка, Ян вдруг помрачнел и как будто ушёл в себя. Даже чуть не промахнулся мимо троса на подъёме, когда перехватывал его рукой. Я хотел было вставить шпильку, но осёкся. Он явно был чем-то озабочен.

– Что с тобой, Змеич?

Он протянул немного, как будто не услышал вопроса, а потом спросил сам:

– Как ты думаешь, кто это мог быть? Теоретически.

И тут до меня дошло.

– Или Орн, или неизвестная цивилизация.

– То-то.

Мысль о родственниках всегда доставляла Яну страдания. Орн был самой технически развитой из известных нам планет. И самой страшной. Его жители были начисто лишены всякой эмпатии. «Выжженные души» – так называли их на Земле. К счастью, они и агрессивными не были, просто совершенно бесчувственными. Знаменитое хладнокровие Змея той же природы, хоть и сильно смягчённое наличием земных предков.

Помимо неприятных ассоциаций, наше открытие, если мы правы и это действительно Орн, не сулило ничего хорошего в плане нашей безопасности. Не проявляя наступательной активности, жители Орна не любили, когда кто-то ломал их планы. И вставать у них на пути, мягко говоря, не рекомендовалось. Мы не стали долго размышлять на эту тему, решив, что с этим разберёмся позже, а пока есть более насущные проблемы.

Глава 9. Читающие мысли

Вернувшись на корабль, мы крикнули Пату: «На Объект!», уже по дороге скороговоркой рассказывая, что произошло. Лица у нас были такие, что он послушался и сразу развернул корабль. Подробности мы оставили до посадки тем более, что не во всём ещё сами разобрались. Но даже поверхность планеты казалась безопасней, чем непосредственная близость к ужасным приборам, стирающим память. Мы вылезли из корабля и уселись прямо на серой с цветными верхушками траве.

– Он очень много рассказал! – Патер даже воодушевился.

Наше предположение об авторах всего этого безобразия он выслушал молча, нахмурился, отложил в предназначенный для опасностей мозговой отсек и продолжил как ни в чём не бывало.

– Мне теперь, кажется, даже понятно, что за голубое свечение возникает, когда говорящим, как они тут выражаются, «даётся время говорить».

Мы вопросительно подняли глаза.

– Смотрите! Когда в обычном случае сигнал идёт от астероида на планету, он проходит свободно, делает своё чёрное дело и затухает.

Когда же собирается огромная толпа, которая соединяется в единую волю, в общее страстное желание услышать го-

ворящего, возникает сильнейшая встречная волна, в которую, как в стену, упирается сигнал астероида.

– На границе столкновения этих двух «фронтов», – продолжил Ян, – возникает свечение. И гаснет тогда, когда толпа отключается от говорящего, насытившись.

– И тогда астероид завершает своё чёрное дело, – закончил я.

Пат заметил даже разочарованно:

– Никакого чуда, просто физика. Такой рукотворный бог.

– Дай Бог, чтобы настоящий Бог этим рукотворцам руки поотрывал.

– Ух ты! Если даже Янус разбушевался, точно поотрывает.

Мы, кажется, первый раз за день улыбнулись. Но тут Пат нахмурился и сказал:

– Я даю нам всем ещё один день. Это уже сверх нормы. Давайте на всякий случай поиграем в молчаливых и будем поменьше говорить.

– Если на нас выйдут читающие мысли, говорить не понадобится.

И тут появились они. Я явственно услышал в голове вопрос:

– Вы нас звали?

Судя по тому, как мы переглянулись, вопрос услышали все. Подозреваю, что и ответили мы хором и тоже мысленно, потому что ребята заулыбались. Вид у нас был совершенно обалдевший.

Их было тоже трое, очень молодых. Самому старшему, худому и высокому, примерно 22, а двое других совсем дети: 13, 15... Старший, его звали Снил, кивнул своим спутникам, подошёл к нам и пожал руки каждому. Двое других следом за ним сделали то же. Рукопожатия были тёплые, дружественные, у младших слегка смущённые. При каждом называлось имя. Самый младший, трогательно серьёзный, поднимая щекастое, совсем детское лицо с прилипшей чёлкой, и глядя каждому в глаза, добавлял:

– Мне для мыслеобщения нужно прикосновение. Простите, если я буду касаться Вас.

Потом посмотрел на нас троих и пристроился к Змею, осторожно коснувшись кончиками пальцев его зелёной руки. После одинокой вахты на корабле и прочих приключений Ян так и остался похожим на малахитовую статую. Я бы тоже потрогал.

Патер собрался с мыслями и произнёс вслух:

– Вы наверняка уже знаете кто мы и откуда. Поэтому мы не будем тратить время, а расскажем вам суть. Это очень важная информация.

– Вам опасно говорить? – прозвучало в наших головах.

– Да, – ответил Патер вслух. – Начинает быть опасно.

– Не надо рисковать, – прозвучал голос Снила. – Постарайтесь всё чётко сформулировать. Кто-нибудь один.

Поскольку младший, которого звали совсем по земному Антон, для коммуникации выбрал Яна, Яну и предстояло всё

рассказать, чтобы услышали все. Что-что, а формулировать он умел.

Зависла пауза, для нас молчаливая, а для ребят наполненная такой информацией, что у них то расширились глаза, то гневно сужались. Я пытался угадать, о чём сейчас говорит Янус, и даже казалось, что угадываю, но сеанс закончился внезапно.

Снил быстро подскочил к Антону, схватил его за руку, чтобы и он услышал, и у меня в мозгу прозвучало:

– Я знаю, где это!!!

Потом мы долго пробирались через заросли в глубину леса, пока не подошли к сплошной стене розовых стручков. Они угрожающе колыхались и светились мерзким холодным светом. Идти дальше было нельзя. Снил, однако, был совершенно спокоен.

– Подождите минутку, – прозвучал в голове его голос. – Я давно тут не был.

Он отломил палку от обычного растения и стал шуровать ей в траве и сухих листьях.

– Вот он! – воскликнул голос.

И в ту же минуту Снил пригнулся и с усилием открыл вход в прорытый лаз.

– Корнями заплело, – объяснил он. – У вас есть фонарики?

Вопрос был данью вежливости. Я почему-то был уверен, что о наших фонариках ему уже известно. Каждый из нас

сразу о них подумал.

– Тут немножко сыро, но пройти надо совсем немного.

– Кто его вырыл?

– Заключённые, – Снил поморщился. – Они тут работали на сборе ядовитых растений.

– Пытались сбежать?

– Да. Кому-то даже удалось.

Весь разговор продолжался через мыслеобмен. Я начинал уже привыкать. Иногда он отвечал что-то, о чём я не спрашивал. Видимо кто-то другой задавал вопрос.

Мы по очереди спустились в лаз. Вход был узким, но внутри, к моему удивлению, можно было даже стоять в полный рост. Заключённые потрудились на славу.

Стены были увиты корнями. Местами корни начинали проход заплетать, и нам приходилось прокладывать путь с помощью ножа.

– Сейчас нет заключённых? – спросил я вслух, чтобы моим друзьям было понятно о чём речь.

– Есть. Но их перекинули на другой участок, где растения поменьше. Тут слишком опасно.

– А корни не опасны?

– Нет, только те части, которые светятся.

Наконец мы выбрались наружу. С этой стороны выход был ничем не прикрыт, а наоборот обложен камнями и укреплён корявыми стволами обычных растений. Я почувствовал себя контрабандистом, добравшимся до тайного схрона. В ка-

ком-то смысле так оно и было.

Мы оказались на довольно большой поляне, на середине которой возвышался небольшой холм, поросший травой и колючками. Судя по слишком правильной форме, холм был искусственный. Снил жестом пригласил подняться. На макушке холма, просто и неприкрыто, располагался люк со знакомой и очень чистой крышкой.

– Кто его только ни пытался открыть, – прозвучал Снил. – Даже взрывали. Никакого эффекта. Что удивительно – всегда остаётся таким чистым, будто только что вытерли.

Было понятно, что после рассказа Яна они уже знают, как его открывать. И им не терпится.

Вдруг средний мальчик – Отэн, которому было лет 15, посмотрел на Снила умоляюще и спросил:

– Можно я?

Я не мог слышать его вопроса, но понял. Снил кивнул. Совершенно счастливый, Отэн присел у люка, ловко провёл по краю и сразу нащупал защёлку. Ручка люка начала вращаться.

Мы стояли вокруг, и столько концентрированных мыслей кружилось и сталкивалось над кругом серого металла, что в голове стояло гудение. И вдруг раздалась резкая команда Снила:

– Останови!

Отэн послушно щёлкнул задвижкой в другую сторону. Крышка люка снова плотно прижалась к лазу.

– Что случилось? Почему? – наши вопросы перекрыли друг друга, но были очевидны.

Снил и мальчики сошли вниз и уселись прямо на серый грунт. Мы пристроились напротив, постаравшись что-то под себя подложить. Пат увидел огромный плоский камень, поднял его рывком, водрузил рядом и сел, возвышаясь над всеми. Снил недолго помолчал, а потом его голос произнёс небольшую речь:

«В наших руках сейчас судьба нашего мира. И нам надо хорошо подумать, чтобы не совершить ошибки. Мы можем одним движением отключить программу, и наша планета превратится в обычный маленький, не очень развитый Объект 3056N в созвездии Быка. Наши люди будут что-то выращивать, что-то покупать и продавать, что-то мастерить, но нам уже не догнать ни одну из развитых цивилизаций. Тогда как именно сейчас появилась возможность прорыва. Самого необычного и удивительного, какой есть во всех галактиках. Во всяком случае, вы ничего о таком не знаете, а вы знаете много.

Пока читающих мысли мало. Собственно, настоящих только трое нас. Но есть ещё человек 20 со способностями, которые надо развивать. Явными способностями. Я практически уверен, что таких людей скоро станет намного больше. Мы будем учиться сами – дар надо постоянно развивать и совершенствовать. И будем учить других. Мы откроем школу и постараемся научить всех».

Его глаза горели. Он уже представлял себе прекрасное будущее планеты, уже гордился ей.

– А как же те, кто не сможет? – осторожно спросил Пат.

– Они ничего не заметят. Они же не знают, что может быть иначе.

Мысль его была понятна, и все тягостно молчали.

– Ты готов взять на себя такую ответственность?

– Я думаю, что это должен решать Совет. Он состоит из нас троих.

Снил посмотрел на землян с некоторым вызовом.

Пат пробасил, тяжело вздохнув:

– Я согласен с тобой, парень. Судьбу планеты должны решать жители планеты. Мы здесь гости и не имеем права навязывать вам свои порядки. Но ты действительно уверен, что можно решить за всех?

Снил помолчал немного, опустив голову. А потом продолжил, сначала глядя прямо в лицо Пату, а потом переводя взгляд на каждого из нас по очереди:

«В чём я точно уверен, так это в том, что даже если мне каким-то чудом или даже прямым воздействием удастся убедить всех в необходимости сохранить ограничения, сохранить закон ради развития сверхспособностей, они станут несчастными. И возненавидят меня и весь Совет. А потом наверно убьют. И на этом всё закончится. Они откроют люк, выключат программу, и всё будет так, как я говорил, даже хуже. Это тупик. Никакого развития больше не будет.

Сверхспособности родились не от хорошей жизни. Это попытка природы вырваться из искусственно навязанных ограничений. А может и побочный эффект работы программы! Ведь то, каким воздействием обладают наши слова, нельзя объяснить просто стиранием памяти. Возможно, создатели программы на такое не рассчитывали, но работает это так.

То, что я предлагаю, кажется жестоким. Но не исключено, что именно наши способности когда-нибудь спасут галактику, а может и мир. Простите меня за пафос, во мне его нет, я просто рассуждаю логически».

Повисла пауза. Со своего возвышения свесился Патер и пророкотал:

– Значит так, ребята. Сейчас мы отсюда уйдём. Потом мы трое отправимся на землю. Я вижу, что у вас достаточно мозгов, чтобы не пороть горячку и правильно расставлять приоритеты. Но чует моё сердце, что в той прекрасной картине, которую ты Снил нарисовал, ты многого не учёл. Чтение мыслей может преподнести такие сюрпризы, что мало не покажется. Смотрите, не пропустите момент, когда надо будет повернуть проклятый рубильник. Ну и, если понадобится наша помощь, можете рассчитывать.

– А скажите, – вдруг встрепенулся я. – Вот вы составляете Совет, и вам троим известна тайна выключателя. Но если есть другие читающие мысли, они могут легко об этом узнать. Или вы умеете закрываться?

– Мы как раз сейчас над этим работаем. И почти ни с кем не общаемся. Мы начнём открываться другим читающим мысли только после того, как способность закрываться будет доведена до автоматизма.

– Если все научатся закрываться, какой смысл в чтении мыслей? Это будет просто разговор, только беззвучный.

– Ну, это само по себе неплохо, – он улыбнулся. – А кроме того, мыслеобщение включает в себя способность воздействия. Это мы тоже отрабатываем.

– Ох и каша тут заварится, – протянул Ян.

– Мы разработали кодекс, соблюдение которого гарантирует безопасность всем нормальным людям.

– Дааа, кодекс, – это хорошо. Кодекс – это сила.

В словах Яна был беззлобный сарказм. И Снил обиженно сказал:

– Вы можете смеяться. Но нам придётся решать все эти проблемы. Мы не всесильные, конечно, но это того стоит. Если увидим, что ничего хорошего не получается, выключим чёртову машину.

– Как все ласково её называют, – Ян расплылся в совершенно змеиной улыбке.

Патер, уже явно мысленно усыновивший всю троицу, по обыкновению включил режим материнской заботы:

– Подумайте, чем мы можем вам помочь, пока не улетели?

– Можно посетить корабль? – блеснул широко раскрытыми глазами Антон.

В этот момент он держал за руку Снила, но мы все поняли вопрос, даже не обратив на это внимание.

– Да, конечно! Мы приглашаем вас в гости!

Патер в приветственном жесте широко раздвинул ручки, так что казалось, что сейчас сгребёт всех в охапку и отнесёт. Мы встали и побрели к лазу. Я подумал, что не помню, когда начался этот день. Столько всего произошло, что всё перепуталось.

Потом было посещение корабля, подробные объяснения, которые считывались ещё до произнесения, восторг мальчишек.

– Вот бы мне на земле таких учеников!

Пат светился нежностью, его кустистые брови довольно топорщились, а сам он сгорал от желания что-нибудь ещё придумать, чтобы порадовать ребят.

Потом все пробовали нашу еду, плевались и смеялись. Потом я вспомнил, что у нас есть тренажёр, и тут в груди Снила поднялась такая волна восторга, что я её ощутил, как свою. Дело в том, что каждый из ребят ненавязчиво выбрал себе наставника. Младший Антон прилепился к Змею, Отэн восхищённо смотрел на Пата, а Снил был «моим». Он и вправду казался мне ужасно своим. Из тех, с кем в общении не надо подбирать слова. Впрочем, это можно списать на способности.

К работе на тренажёре все отнеслись с полной серьёзностью. Я первый раз наблюдал как феноменально быстро

учатся читающие мысли. Полная сосредоточенность, полное погружение. Через пятнадцать минут каждый уже помнил где какой прибор и как надо учитывать его показания. Может я ошибаюсь, но не исключено, что за реальным пультом управления они бы не растерялись.

Мы расстались поздно вечером, когда на фиолетовом небе загорелись звёзды. Выбросили утяжелители и устроили под конец небольшой аттракцион. Каждый подхватил своего подопечного и под их вполне звуковой визг прыгал и переворачивался в воздухе, пока Патер громовым голосом не командовал:

– Отставить! Не хватает шеи переломать будущим спасителям человечества.

Мы поднялись на корабль. Помахали стоявшим внизу фигуркам, мысленно командовали им отойти на безопасное расстояние, закрыли люк и взлетели. Через минуту Планета исчезающих слов удалялась со скоростью 8 км. в секунду, а потом исчезла из вида. Больше мы её никогда не видели.

Но знаете, я оставил там свою душу».

Глава 10. Отец

Мне хотелось посидеть в тишине, переваривая увиденное и услышанное, но на экране снова появилась мама. На этот раз одна. Её голос звучал приглушённо, как будто она хотела сохранить сказанное внутри комнаты, но оно всё равно выходило вовне и становилось частью общей истории.

«Мы с мужем познакомились на заседании первой инициативной группы, которая поставила своей целью создание межгалактического союза дружественных планет. Мы много работали вместе и очень подружились. А через год он сделал мне предложение. Мы оба хотели детей, но, как ни странно, я была больше увлечена общественной работой, судьбой галактики. А он был очень семейным человеком. Нежным, даже немножко женственным. Мечта о ребёнке жила у него в самом сердце, в самой его глубине. И так получилось, что я первая узнала о том, что он бесплоден. Я постаралась сделать всё, чтобы он никогда об этом не узнал. Но мне надо было исполнить его мечту.

«Банк материалов возрождения» находится глубоко под землей, чтобы в случае катастрофы можно было восстановить население, но чаще всего им пользуются бесплодные пары. Каждый клиент имеет право получить полную информацию о доноре. Наибольшей популярностью у женщин пользуются астронавты. Можно не сомневаться в том, что донор здоров

и психически устойчив. Астронавты почти никогда не женились и хотели иметь шанс оставить на земле потомков. Сохранение их «материала», как выражались работники банка, для астронавтов превратилось в рутинную процедуру. Их уже даже не спрашивали, хотят ли они оставить свой генный след. Так что выбор у меня был – полный личный состав Космопарка за последнюю пару веков.

В первое посещение я растерялась и ушла домой ни с чем. Села готовиться к выступлению в молодёжном лагере. Собиралась рассказывать о победе над Варварами, пришедшими с Орна. О том, что их отличала невиданного уровня техническая оснащённость при полном отсутствии морали, а может и вообще души. О том, что они не знали жалости и были одержимы какой-то ненормальной жадой уничтожения. Даже себе во вред. Воевали не только с жителями планет, но и с самой природой, сжигая всё вокруг. Казалось, что их главным врагом стала сама жизнь. Мы до сих пор не знаем, что случилось с жителями Орна. Обычно они не проявляли такой агрессии, предпочитая заселять пустующие планеты.

Но в этот раз их орда беспрепятственно катилась по галактике, поглощая обитаемые миры, пока не наткнулась на Молчаливую. Читающие мысли срывали все военные планы агрессоров. Варвары ничего не понимали. Снова и снова пытались атаковать планету, но удары каждый раз приходились по пустырям, а десант попадал в отлично подготовленные ловушки. А после того, как их пилот взорвал соб-

ственную ракету, разрушители покатались дальше, изрядно потрёпанные и потерявшие славу непобедимых. И всё же они ещё были очень сильны, а неудача у Молчаливой только усилила их жажду истребления.

На земле высадился довольно большой отряд, плюс бои велись на орбите. Земля держалась долго. Но все отдавали себе отчёт в том, что эта битва последняя. И когда земляне думали, что всё уже потеряно, Варвары стали наносить удары по самим себе. Они разбили себя в клочья. И наступила такая тишина, какой мы давно не слышали. И в этой тишине возникли в небе корабли Молчаливой, как падающие звёзды. Они разделились в воздухе и приземлились в разных районах. Странные, древние корабли, какие мы видели только на картинках. Это, кажется, был весь их парк. Всего несколько штук. Их пилотам хотелось лично пообщаться с землянами. И первым вопросом было:

– Где Чен Ройс?.

Только тут все узнали о посланном и принятом сигнале. Мольбы о помощи отовсюду летели через космические просторы, но везде хозяйничали варвары. Пойманные сигналы вызывали лишь кривые усмешки. До тех пор, пока один не поймал Снил, глава первого Совета Молчаливой. Живая связь на таком расстоянии невозможна. Сигнал с сообщением посылался в одну сторону, как почтовый голубь или даже брошенная в море бутылка.

Сигнал, во избежание дезинформации, был личным. Он

содержал встроенный код, отражающий индивидуальную уникальность передающего его человека. Его невозможно было повторить, подделать или искусственно смоделировать. К тому же принимающий видел голограмму. Всмотревшись в возникшее передним лицо, член Совета неуверенно произнёс:

– Чен? – и скомандовал принять сообщение

Голос Чена ответил:

– Я, Чен Ройс, землянин. Нам очень нужна помощь. Хотя я не уверен, что кто-то успеет нам помочь.

– Продержись, Чен. Продержись пожалуйста, – проговорил Снил, и в следующую минуту по мысленной команде все корабли Молчаливой уже готовились к запуску.

На земле тогда никто не узнал ни о том, что сигнал был отправлен, ни о том, что был получен. Корабль Чена в этот момент пытался противостоять пяти кораблям Орна, используя и ракеты, и мысленную атаку. И даже успешно. Посланная по кругу команда так замкнула их друг на друге, что они совсем забыли о Ченни. И тут он расслабился. От радости от успешной операции, всего на секунду. Ракета влетела в корабль сзади и разнесла в щепки. Всего одна ракета.

И вот теперь перед нами стояли наши спасители, и их главным и единственным желанием было увидеть членов второй экспедиции землян. Увы, все они были уже мертвы. Не было ни детей, ни каких-то других родственников. Им показали, где они жили, учились, тренировались. Они встре-

тились со всеми, кто их знал и помнил. Их отношение к этим людям было в высшей степени благоговейным. И оно передалось нам. Мы, наконец, осознали, что эти трое сделали для всей галактики.

Я писала свой доклад и вдруг поняла, какая я дура! Как можно было сомневаться в выборе, если есть возможность родить потомка одного из тех самых?! Осталось выбрать одного из трёх.

Янус отпадал сразу. Мой муж не мог родить зеленокожего «змея». Оставались Пат и Чен. Пат был добр, талантлив и был командиром. А Чени, как ласково называли его друзья, оказался «краеугольным камнем», тем последним элементом, которым сложился огромный пазл всей нашей истории. И фактически спасителем земли. Я выбрала Чена.

Когда наш сын увлёкся историей Молчаливой, я не увидела в этом ничего необычного. Многие мальчишки проходили через это увлечение. Хотя в наше время появились уже другие популярные герои. Муж даже обеспокоился тем, что сын проводит слишком много времени в прошлом. Что его не интересуют ни обычные для подростков развлечения, ни технические новинки. А потом я стала замечать, что он читает наши мысли. Он пытался это скрыть, но произвольные реакции его выдавали. Муж не верил, считал это моими фантазиями. А потом произошло страшное. Муж нашёл документ, который я всю жизнь прятала. Случайно, когда я давно потеряла бдительность».

На экране появляется отец. Очень бледный. В его руках небольшая картонка, запаянная в пластик. Он смотрит на мать и спрашивает:

– Это правда?

Хотя, конечно, уже знает, что правда.

– Да, – отвечает мать. – Я не хотела тебя расстраивать. Ты так хотел сына. Ты бы не выдержал удара.

– Но мы могли решить всё вместе.

– Мы прожили счастливую жизнь. И у нас есть сын.

– Но я не его отец. Он знает?

– Я не говорила ему. Надеюсь, что нет.

– Я должен поговорить с ним. Я не его отец.

– Умоляю, не делай этого. Во всяком случае, не сейчас.

Ему и так трудно. Пусть он вырастет

Дверь открывается, и вхожу я. Взгляд отца невыносим. Такое впечатление, что я держу в руках его сердце. А я в общем-то всего лишь мальчик. Я растерян, напуган и изо всех сил закрываюсь, инстинктивно чувствуя исходящую от мыслей отца опасность.

– Тебе нравится Чен Ройс? – заходит издали отец.

– Да. Очень.

– Ты знаешь, кто он?

– Конечно. Знаменитый астронавт, спаситель мира.

– Ого! Даже так.

– Да! Конечно! Это ведь он связался со Сниллом! – горячо начинаю доказывать я.

Но отец уже понял всё, что хотел. Говорит:

– Да-да, конечно! Ты прав. Ты молодец.

– Я сейчас, минутку, не уходите, – говорю я, будто кто-то действительно собирался уйти.

Какое-то время меня нет, а когда вхожу, у меня в руке подарок. И я протягиваю его отцу. Это бесформенная железяка, из которой торчит металлический стержень, а к нему припаяна маленькая модель космического корабля.

– Я очень долго его искал. Это тебе, папа.

Он обнял меня и долго держал, не отпуская.

Тут экран гаснет, а я сижу, не в силах осознать увиденное. Мне вдруг начинает казаться, что я знал об этом всегда. Это и так, и не так. Понятно, что имя Чена я выловил из мыслей матери, но он был знаменит, а больше ничего я по малолетству не понял. А потом уже так был напуган своим страшным даром, столько усилий приложил, чтобы стать обычным человеком, что закрыл от себя это знание. Но интуитивно всей душой тянулся к своему настоящему отцу. И сейчас все мои чувства к Чену получили оправдание. Ведь у меня никогда не было такой близости к Актусу, такого родства, как я ощущал к нему. И ведь Актус ушёл!

Тогда, в тринадцать, мне казалось, что всё хорошо. Но я постепенно стал замечать, что Актус стал немножко меньше шутить, немножко дольше задерживался на работе. А когда мне исполнилось шестнадцать – возраст земного совершеннолетия, завербовался на Марсианскую станцию и больше

не появлялся. Хотя Марс совсем близко и ничего не стоило приезжать на выходные.

Тогда я не понял, почему. А теперь мне кажется, что у него осталась обида на нас обоих. На меня и маму. Может он всё-таки не поверил, что я не знал. И думал, что у нас была общая тайна, которую мы от него скрывали. Моё увлечение Ченом только усиливалось, и я буквально пропадал в Хранилище – огромном банке видеоданных. Отцу казалось, что Чен поселился в его доме, а ему там нет больше места.

В то время прошла полоса безумия, когда на видео фиксировали каждый шаг и всё сливали в базу. Поэтому я нашёл только обширный репортаж о полёте на Молчаливую и ещё одно видео, уже с земли, сделанное через 10 лет после возвращения. Редкая запись. Может, её вообще никто не видел, кроме меня. Единственная, на которой имеется сообщение от двоих членов экспедиции.

Я снова впиваюсь глазами в экран. В этом есть что-то от бегства от необходимости осмыслить услышанное. Хочется ещё немножко побыть мальчиком, который ничего о себе не знает, которому просто интересно.

Чен и Янус в отличной физической форме, но Че почти весь седой, а Ян стал почти совсем зелёным. Оба кажутся старше своего возраста. Сначала говорит Ян:

– Мы члены второй экспедиции на планету Исчезающих слов. Я Янус Крейс, а это Чен Ройс. С нами нет Па-

тера, нашего командира. Находясь на орбите планеты, мы трое вплотную приблизились к источнику излучения, которое было причиной появления закона исчезающих слов. Мы не сразу ощутили, что подверглись очень сильному воздействию. К счастью, быстрое возвращение и восполнение земной энергетикой защитило нас от негативных последствий. Но одно удивительное последствие сохранилось. Мы не сразу его осознали, хотя проявилось оно ещё на Молчаливой, в общении с читающими мысли. Мы получили такой же дар. Хотели применить его в нашей профессиональной деятельности, но это закончилось трагически.

Во время тренировочного полёта мы попытались обмениваться командами на мысленном уровне. Именно поэтому случилась катастрофа, о которой писали все газеты. Та самая, в которой погиб Патер. Когда мы поняли, что ошиблись, было уже поздно. Пат взял на себя управление падающим кораблём, а мы катапультировались. Наш дар оказался несовершенным. А мы воспользовались им с легкомыслием и самонадеянностью.

Потом слово берёт Чен:

– Мы подробно, шаг за шагом, проанализировали всё, что тогда произошло. Сбой случился на этапе чтения мысленной команды. И виноват был я. Для того, чтобы нас не отстранили от полётов, мы сохранили истинную причину катастрофы в тайне. И эта запись будет открыта только после нашей смерти. Мы клянёмся больше никогда не пользоваться на-

шими сверхспособностями в ситуациях, который могут быть потенциально опасны.

Экран гаснет. А я уже знаю, почему в войне с Варварами земле удалось продержаться до прибытия Молчаливых. Они всё-таки пустили в ход свой дар. Они тренировались.

На экране снова появляется мама. Она ничего не говорит, только смотрит на меня с тревогой. Я говорю:

– Не волнуйся. Я понимаю, что это предостережение. Я буду осторожен.

Экран гаснет окончательно.

И тут меня накрывает непереносимым, космическим одиночеством. И в мысленной пустоте прямо перед моим лицом возникает лицо Чена. Очень близко, не как на экране. Не знаю, что это было – видение или плод моего воображения, но я видел его так ясно, что хотелось протянуть руку и потрогать пальцем шрам над бровью. И я позволил себе, всего на одно мгновение, представить, что мы вот так сидим рядом, что я держу его за руку, о чём-то расспрашиваю... Таковую обыкновенную картину общения сына с отцом, вполне домашнюю. Лучше бы я этого не делал. Потому что никакой ум не в состоянии вместить степень нашего родства и пролегающую между нами бездну. Я попытался сосчитать сколько до него лет. Запутался, не мог решить с какой до какой даты считать. Бросил это занятие, начал снова. До того, молодого Чена, каким он отправил в экспедицию получилось почти сто лет. От непостижимости этого ужаса меня пронзила та-

кая боль, что впервые за все эти годы я разрыдался в голос. Я плакал долго, сжимая голову руками, раскачиваясь, размазывая слёзы по щекам и сморкаясь в край собственной майки. Во мне накопились реки слёз, которые теперь вырвались наружу и сметали одну за другой все тщательно охраняемые плотины, так надёжно закупоривавшие мою боль, потерянность и общее ощущение бессмысленности своей жизни. Все замки от выработанного бесчувствия были сорваны, и само оно унеслось потоком. И к моему удивлению, именно это оказало терапевтический эффект.

Очнувшись от слёз, я даже смутился от чувства радостного обновления. Я был раздавлен, рассыпан на кусочки, а потом собран заново. И то, что теперь получилось, было уже не совсем мной. То есть, другим мной. Мне показалось, что я стал немного ниже ростом, но это было приятно. Как будто я летал где-то, а теперь вошёл в самого себя и с собой соединился. А ощущение единства с Ченом, теперь уже глубокое и спокойное, сделало меня причастным к великой истории. И в этой истории оставались белые пятна.

Я ещё какое-то время посидел в темноте, а потом вышел из зала и, перегнувшись через перила, крикнул:

– Том! Космопорт. Ближайший рейс на Молчаливую.

Вежливый голос робота сообщил:

– Рейс 3056, вылет через 3 дня в 17—00. Полная информация будет на вашем экране, – и через паузу, – когда Вы его включите.

Глава 11. Космопорт

Итак, у меня 3 дня. Я глянул на светящийся всеми огнями Космопорт. Назначать встречи на сегодня было уже поздно. Я чуть было не отправился спать, когда вспомнил, что есть один человек, который работает по ночам. И мне очень надо с ним поговорить, как бы это ни было неприятно. Я считал его честолюбивым, самодовольным и завистливым типом и называл про себя Надутым Индюком. А ещё считал, что он предаёт общее дело, разрушает созданное матерью и мечтает о единоличной власти.

Марон был одним из делегатов от земли в Большом совете и умудрился устроить там почти раскол. Ситуация была бредовой – все другие члены земной делегации были не согласны с его мнением, но отозвать его было невозможно, он набрал необходимое количество голосов поддержки. Когда он поднимался на трибуну, лица коллег каменели. Некоторые смотрели на него с откровенной ненавистью, и я был на их стороне. В общем, душевный намечался диалог.

– О! Кого я слышу? Сам Сандерс Йетс почтил меня своим вниманием!

Его хорошо поставленный голос рокотал в моих наушниках. Не хочу менять их на модные встроенные чипы. Страшно представить, что этот Индюк будет отрабатывать свои знаменитые голосовые модуляции прямо в моей голове.

– Ты не ошибся, Марон, это я. И я хочу с тобой встретиться. Сегодня.

– Ну ты знаешь, что у меня всё расписано на неделю.

Я решил, что скрывать мне уже ничего не надо и сказал прямо:

– Через час ты будешь свободен. До следующей встречи у тебя 40 минут. Мне хватит.

Видимо, он опешил, потому что ответил только после короткой паузы:

– Хорошо. Вижу ты подготовился. Приезжай ко мне в офис.

Он ничего не понял, но это и к лучшему. Пусть думает, что у меня связи в Службе безопасности.

До встречи было время, и я отправился в Космопорт – просто любил там бывать. Он был огромным, принимал корабли и нашей, и дружественных галактик и притягивал кучу народа атмосферой лёгкого безумия. Где ещё увидишь такое смешение форм, размеров и цветов носов, ушей и прочих частей тела? Знакомство с другими мирами показало, что общее строение у всех известных нам планетарных рас более-менее родственное, но эта родственность была сродни тому, как похожи пёстрые и плоские рыбки Красного моря на глубоководных бесформенных чудищ Марианской впадины. Обитатели сильно отличающихся от земли планет предпочитали не рисковать и довольствовались видеосвязью. Хотя иногда можно было увидеть специально оборудо-

ванные прозрачные или затенённые лайф-контейнеры, которые с большой осторожностью выгружали из кораблей и сразу перемещали на платформы со сложной системой колёс и множеством приспособлений, создающих аналог нужных жизненных условий. Космопорт был гордостью землян, что-то подобное было только на Орне.

По размеру он был с небольшой город и всегда полон народу разных рас и занятий: туристы, бизнесмены, астронавты, работники и просто праздно шатающаяся публика. А ещё машины, перевозчики, роботы, дроны, движущиеся платформы и, конечно, венец всего – корабли. Только возле них было просторно и тихо. Находясь ещё на земле, они в каком-то смысле ей уже не принадлежали, как будто всегда окутанные страшным, нечеловеческим космическим безмолвием. Выходя на посадочную дорожку, умолкали самые бесшабашные весельчаки. Дорожка начинала плавно двигаться на магнитной подушке, и стоящий на ней народ впал в медитативный транс, плывя над землёй и наблюдая другие группы, так же бесшумно проплывающие мимо, начиная свой путь в такие дали, какие даже привычный человеческий ум охватить не в силах.

Но стоило вернуться в здание Космопорта, как ты вмиг окунался в шум и броуновское движение. Несмотря на строго отделённые зоны для техники, там непременно оказывались зазевавшиеся граждане, и над головами неслись крики, – «Поберегись! Куда ты лезешь, болван?! Вам что, жить

надоело?» И прочие красочные вариации с тем же значением. Надо было постоянно быть на стороже, чтобы не налететь на кого-то, или чтобы на тебя кто-то не наехал, не напрыгнул или не наступил.

Но мне были известны и маленькие уютные уголки, вроде бара «Тихий ёж», в котором Пат Соул нанял Чена век назад. Бар сохранился. Происхождение названия для всех осталось загадкой.

Я отправился на поиски «Ежа», размышляя по дороге о том, что существует совершенно неправильное мнение, что при смене режимов или эпох первыми исчезают маленькие предприятия, городки и посёлки. Из моих наблюдений всё выходило прямо наоборот. Космопорт пережил разрушительную войну, несколько раз перестраивался. А маленькие кафешки и бары, расположенные в подвалах и полуподвалах, выжили. Рушились города и даже целые миры, а в горных деревушках на юге продолжали пасти овец, как много веков назад. Казалось, что они совсем ничего не знали о космосе. Но только я это подумал, как увидел мужичка в бурке с выглядывающей из холщовой сумки и возмущённо блеющей овцой, стоящего в очереди на посадку так спокойно, как будто это деревенская автобусная остановка. К нему подошёл служитель порта и увёл оформлять и правильно упаковывать животное. Это меня здорово развеселило, и я решил, что всё будет хорошо.

«Тихий ёж» встретил сложным набором непривычных за-

пахов. Ничего не менять было фишкой заведения. Если какая-то деталь интерьера приходила в негодность, её старательно восстанавливали с использованием аутентичных материалов. Бог знает, где они их добывали? Я как-то не поверил, что это не имитация, и проковырял маленькую дырочку в обивке стула. Сквозь неё проглядывал грязновато-белый наполнитель. Я устыдился. А потом подумал, что таких любопытных должно быть немало, и бару влетает в копеечку постоянно менять обивку.

За стойкой сидел мужчина в мешковатой куртке, точно гражданский. Все члены экипажей кораблей, даже туристических, были военными. В случае необходимости и команды, и сами корабли мгновенно превращались в боевые единицы. Военные этот бар любили, но и этот человек не казался тут случайным.

Рослый бармен протянул мне картонку с длиннющим перечнем сортов пива. Я отрицательно помахал рукой и уверенно произнёс, – «Хейли». Он улыбнулся и с почтительностью снял с полки небольшой бочонок. Мне показалось, что он его даже погладил.

– Он правда не изменился с тех самых пор? – спросил я.

– Мне трудно судить, но, насколько мне известно, лет 50 назад совет компании принял решение немного изменить состав, сделав напиток чуть менее кислым, в соответствии с современными вкусами. А то продажи стали падать. Общий рисунок вкуса сохранился, но оттенок изменился. Со-

всем чуть-чуть.

Потом он сделал паузу. И тихо, даже как будто виновато, сказал:

– Но Вам же хочется попробовать тот самый? Это аутентичный вариант. Я всегда варю немного по старому рецепту. Ведь этот бренд – история! Что может сравниться со спасителем галактики?

Говоря, он взял кружку и подставил под небольшой кралик на крутом боку бочонка. Кружка наполнилась светлой прозрачной жидкостью с отменной пеной, а ноздри – манящим запахом. Я протянул руку и взял кружку с такой осторожностью, как будто она может раствориться от резкого движения. Исчезнет, как и сам этот бар. Станет тем, чем ей и положено быть – частью воспоминаний. Но ничто не исчезло. Я сидел в «Тихом еже» и пил Хейли может быть на том же месте, где когда-то сидел мой отец. Мой настоящий отец.

Видимо, я был так погружен в себя, что со мной никто не заговаривал. Но живительный напиток сделал своё дело, я немного расслабился и спросил:

– А что Вам известно о той встрече? Я понимаю, что каждая мелочь уже тысячу раз транслировалась и обсуждалась, но вдруг сохранились какие-то детали. Например, кто где сидел?

Мужчина в куртке посмотрел на меня с интересом. Был он смуглым, с короткой аккуратной бородкой, широким носом и копной пшенично-светлых волос. Я бы дал ему лет

60 с хвостиком.

– Вы вот лучше его спросите, – сказал бармен. – Это Сэмьюэль, бывший хозяин. Он только недавно отошёл от дел и передал бар своему сыну.

Тут уже с интересом посмотрел я.

– Сандерс Йетс

– Просто Сэм, – он широко улыбнулся и протянул мне большую и мягкую руку.

То, как он мне всё рассказал, поразило до глубины души. Я пережил нечто подобное тому, о чём говорил Чен, передавая впечатления о воздействии слов на Молчаливой. Я буквально увидел и большеносого Патера – он сидел на барном стуле как на насесте, отвернувшись от стойки и уставившись на стеклянную входную дверь, и отца, появившегося с другой стороны стекла и рассеянно берущегося за ручку двери. В баре было полно народа – все курили, пили, говорили, входили, выходили, толкались и заслоняли Пату обзор. Но он высмотрел Чена, протиснулся к нему и, глядя почти заискивающе, стал басить:

– Чени, ну ты же свободен сейчас? Ты же выручишь старого друга? Ты же не откажешься?

– Ты о чём? Хоть объясни толком.

– Пойдём выпьем, я угощаю.

– Это становится подозрительным.

– Да ничего особенного. Тебе же нужна работа. И ты, насколько мне известно, штурман. А нам как раз нужен штур-

ман. Всё очень хорошо складывается.

Они продвинулись к столику в углу, за которым сидел какой-то патлатый гражданский. Пат зыркнул на него из-под бровей, и того сдуло. Показал бармену на пальцах два пива, тот кивнул, и через пол минуты перед ними стояли две здоровенные кружки Хейли.

– Помнится я где-то читал о рабовладельцах, которые заманивали людей на корабль, а потом делали своими рабами. Может, ты решил взять меня в рабство? – сказал Чен, отхлёбывая.

– Тебе всё шуточки, а у меня все сроки летят. Уже назначен вылет, а команда не собрана.

– А кто уже есть?

– О! Отличный пилот! Янус Крейс.

– Змей?

– Он самый.

– Ну, это нормально. А ещё кто?

– Я. И ты.

– И всё?!?!

– Всё. Не дают больше. Но мы справимся.

– Я понятия не имею куда вы собрались, и что нас там ждёт?

– Ты сказал «нас»!

– Я оговорился, это фигура речи.

– Не отпирайся, я ясно слышал. Про полёт я тебе всё объясню. А твоя работа обычная – ты штурман и ничего больше.

– Очень сильно я в этом сомневаюсь. Скажи куда и зачем?

– Объект №3056N. Вопрос научный – природа закона.

– Я присвистнул. Ох ты, ничего себе! А вы не боитесь остаться там навеки?

– А я на что? Я буду за вами следить. Я тесты разработал.

Если только замечу что-то неладное, сразу назад.

– Когда?

– Послезавтра.

– Я отвечу завтра.

– Неет, я не выдержу! Вдруг ты откажешься? Ты же не можешь отказаться! Что я буду тогда делать? Я три года выбивал разрешение, а теперь всё пойдёт прахом. Второй раз мне не дадут. А на планету и её загадки всем наплевать. Думают, что это так далеко, что их не касается. Да и какой интерес в каких-то словах? Но ты ведь не такой. Ты должен понимать, что это единственный шанс, и мы должны его использовать.

– Умеешь ты... Это будет самой большой аферой моей жизни.

– Чени, ты настоящий друг! Я всегда это знал. Ты нас всех спас.

А потом засуетился и убежал.

– Ты тут допивай, а мне надо готовиться.

– Эй, а кто за пиво обещал заплатить? Вот жук. Я тебе это припомню. Командир называется.

Допив кружку, я протиснулся к стойке, но бармен, удивившись протянутым деньгам, спросил:

– За что? Вам оплачен весь вечер. Можете продолжить.

– Кажется, жизнь налаживается. Ещё кружку Хейли и маслин.

Он допил эту кружку и поехал домой.

Я очнулся и взглянул на часы.

– Простите, я должен бежать. Вы не представляете, как я Вам благодарен! Надеюсь ещё Вас увидеть.

И я помчался на встречу с Мароном, запрыгнув в первую подлетевшую Стрекозу.

Глава 12. Марон

Сначала я просто наслаждался тёплым ветром и самим состоянием полёта, а потом погрузился в рассматривание людей внизу. Мешало то, что три года на Юкке я не стригся и основательно оброс. Теперь волосы лезли в глаза и в рот, мешая сосредоточиться. Я выхватывал фрагменты пролетающего потока, стоп-кадрами монтирующимися в единую ленту, которая в таком виде и осядет в памяти.

Вот стайка очень породистых девушек, одинаково высоких и стройных, будто подобранных по строгим параметрам. За спинами небрежно болтаются светящиеся изнутри рюкзаки. Мода эта появилась недавно. Создатели модели предполагали, что подсветка будет включаться при открывании, и имели в виду только практическую цель. Но молодёжь, оценив новинку, стала носить рюкзаки постоянно расстёгнутыми, так что производителям пришлось перестроиться. Пожалуй, стоит такой прикупить.

Девушки были в чёрном и без эффектов. Мода на чёрное и простое, совершив множество кругов, снова вернулась к нескрываемой радости родителей, уставших от вспыхивающих разноцветным сиянием одеяний, взрывающихся молний и горящих пуговиц своих чад. Эффекты делались на совесть, провоцируя сердечные приступы у впечатлительных. И теперь, на фоне невообразимых цветовых и световых со-

четаний, превративших улицу в пёстрый мелькающий поток, радикальный чёрный выглядел и вызовом, и островком покоя.

Скоро почернеет вся улица, а потом мода зайдёт на виток инопланетных заимствований – молодёжь начнёт щеголять в светящихся шарах и пирамидах, сдувающихся и облепляющих тело, когда надо сесть или наклониться...

Во все эти новости меня посвятит Раши, когда мы с ним, наконец, встретимся. Он всегда был в курсе модных трендов и даже отчасти их создавал.

Подо мной промелькнул район коттеджей на воздушных подушках, на которых, при желании, можно было отправиться путешествовать. К сожалению, специальных трасс пока было мало, и владельцы новинок довольствовались тем, что разъезжали по своим участкам, поворачивали домики в любую сторону и даже заползали в гости к соседям.

Потом мы влетели в узкий каньон между двумя небоскрёбами с восьмиугольными окнами. Он казался бесконечным. Эти два дома назывались «Улей» и представляли собой множество малюсеньких однокомнатных квартир, слепленных между собой как ячейки пчелиных сот. Две огромные пластины таких «сот», поставленные на боковые грани, смотрели друг на друга многоглазо, пытаясь дотянуться до своего двойника слабым светом настольных ламп, светящихся потолков и компьютерных панелей.

Я помню, что старый Улей был самым криминогенным

районом города. А потом богатый бизнесмен выкупил оба дома, снёс, построил заново и ввёл какую-то систему, ради которой сюда теперь приезжают набираться опыта. Я так и не узнал, в чём она заключается. Факт, что дома стоят как новенькие, хотя раньше их за пару лет превратили бы в жилище привидений.

Мы, наконец, вынырнули из Улья, и я увидел чёрный куб, в котором располагался офис Марона. Солидно, стильно, эффективно. На крыше – посадочная площадка. Я вышел, любовался на отлетающую прозрачную каплю Стрекозы, и отправился к лифту, по дороге собираясь с мыслями и настраиваясь на серьёзный лад.

На заседаниях Совета Марон доказывал, что Молчаливая больше не может возглавлять Союз. Что надо создать комиссию, которая бы провела серьёзную работу по переоценке каждой планеты-участника. Это давно не делалось, а изменений произошло много. По плану Марона эти характеристики должны были быть представлены на заседании Совета. А потом надо было выбрать нового главу и прочие руководящие органы через голосование. Он считал, что победит Земля. Что-то говорил ещё о динамическом договоре, но это был незнакомый термин. На просьбу Совета объяснить, что он имеет в виду, он предлагал собрать отдельное заседание, которое постоянно откладывалось и переносилось.

До сих пор все возражения против лидерства Молчаливой сметались одним аргументом – способностью читать мысли

и оказывать прямое мысленное воздействие на противников обладали только её жители. Все попытки обучать других давали неустойчивый результат. Но Марон считал, что Молчаливая изменилась, и сами способности то ли угасли, то ли не имели такого значения в мирное время. Мне надо было пересилить себя и выслушать его соображения.

Он был действительно похож на индюка. Даже расцветкой своего широкого хитона. Одежды, не самой привычной для чиновника. На небольшом столике возле его огромного рабочего стола стоял поднос с разноцветными пирожными, две прозрачные полукруглые чашки и такой же прозрачный чайник с заваренными листьями неизвестного происхождения. Марон готовился к встрече и хотел, чтобы она прошла миролюбиво. Что ж, посмотрим. Я вдруг понял, что проголодался. Он перехватил мой взгляд:

– Угощайся.

Марон стремительно вышел из-за своего монструозного стола, большим кораблём проплыл по залу, подставил к столику стул и сразу стал наливать напиток в чашки. Запах был приятным.

– Ты наверно считаешь, что я мечтаю о власти? – начал он с места в карьер. – Что сплю и вижу себя во главе Совета. Так вот со всей ответственностью скажу тебе, что это не так! Я вообще не хочу ничем управлять. А если бы и хотел, не смогу.

Я на миг заглянул в его мысли и сразу закрылся. Меня

обдало волной такой душевной боли, что предполагать какую-то неискренность или позу было невозможным.

И тут он приподнял край своего роскошного хитона, и я с ужасом увидел сине-чёрные пятна с красноватыми краями. Красная язва!

– Сколько тебе осталось?

Я мог бы не задавать этот вопрос. Появление красных краёв означало, что болезнь уже захватила весь организм. У него пока нет болей, но скоро пятна покраснеют, потом превратятся в язвы, а потом наступит конец.

– Полтора месяца. Поэтому я и пошёл в депутаты. У меня мало времени, а надо срочно что-то менять. Мне бы конечно хотелось остаток дней провести со своей Марцеллой и сыном. Уехать куда-нибудь в горы. Но я не могу. Удивляюсь, почему никто не видит очевидного?

– Я собираюсь на Молчаливую.

– Очень хорошо! – он аж подпрыгнул от радости.

Он вообще был импульсивен, и большое тело не мешало его подвижности. Пока. Постепенно болезнь возьмёт своё, и ему станет тяжело носить свой вес.

– Ты этому рад?

– Конечно! Я с большим уважением отношусь к Великому Архонту. И не сомневаюсь, что он ничего не станет приукрашивать. Ты сам убедишься, что я прав. И дело не в том, что молчаливые утратили свои способности. Конечно нет. Но руководителями Союза они стали на волне военных по-

бед. А сейчас другое время. Маленькая планета, находящаяся на отшибе, с небольшим флотом кораблей, с маленьким объёмом производства, просто не понимает проблем, стоящих перед крупными игроками. Да и зачем ей в них вникать? Они же как монахи. Всё, что их рассеивает, ослабляет. Они заняты развитием своих сверхспособностей. Самые сильные из них. Те, ради которых их и сделали лидерами. Нам надо пересмотреть систему отношений внутри Союза. Сделать её более гибкой. В разные периоды жизни галактик на первый план выходят разные задачи. И руководители должны быть разными. А другие члены не дадут забыть о других направлениях.

Я слушал его и удивлялся тому, как мой самый главный противник вдруг стал почти союзником. Но он ещё меня удивил.

– Знаешь ли ты, – спросил он, – что я был учеником твоего отца, ходил на его лекции?

Понятно, что он говорил об Актусе.

– Нет. Я почему-то вообще не интересовался его преподавательской деятельностью.

– А зря. Он был великим человеком. Жаль, что ему достались ленивые ученики. Я приготовил тебе подарок. Минутку.

Он вернулся к своему столу и взял с него небольшую книгу.

– Вот. Постарайся прочитать её как можно скорее.

И добавил смущённо:

– Там даже есть упоминание обо мне. Я никому не говорил – это секрет. В главе про «Улей».

Я прочитал название «Структура и единица в отношениях живых и разумных существей». Автор Актус Йетс.

– Хорошо. Я прочитаю. А в отношении твоих слов о Молчаливой не могу сказать, что со всем согласился. Но своё окончательное мнение смогу сформулировать только после разговора с Архонтом. Но помоги мне вот в чём. Какие вопросы ты бы ему задал?

И мы просидели до ночи, обсуждая малейшие детали моего предстоящего разговора. А ещё он снабдил меня письмом к Верховному Архонту, которое было достаточным поводом направиться прямо к нему.

Передавая письмо, вдруг спросил:

– А почему ты решил лететь на Молчаливую? Мне показалось, что встреча с Архонтом не единственная цель. Я не ошибся?

Я не предполагал с ним откровенничать. Он заметил лёгкую паузу, даже начал жест, говорящий:

– Да ладно, не надо. Твои дела.

Но я сказал:

– Не ошибся. Скажи пожалуйста, чем отличаются от землян жители Молчаливой?

– Отношением к гравитации. Им настолько тяжела наша, что для них сооружают специальные боксы с искусственны-

ми условиями. Иначе их буквально плющит.

– Правильно. А ещё?

– Честно говоря, не знаю. Кажется, немного цветом кожи. И плохо переносят солнечный свет. Я никогда об этом не задумывался.

– А я подскажу. Ничем. Принципиально совершенно ничем. Отношение к солнечному свету преувеличено. Оттенок кожи станет совершенно обычным через пару недель на земле. А через 3—4 месяца может и к гравитации привыкнут.

– Ты хочешь сказать...

– Я хочу сказать то, что давным-давно известно из отчётов второй экспедиции. И о чём все благополучно забыли. Слишком много было других забот. Чен Ройс, Пат и Янус были совершенно уверены в том, что обитатели Молчаливой – земляне. Как и когда они туда попали, не знает никто. В том числе они сами. Но разгадать эту загадку было страстным желанием Чена. Я очень увлекался им в детстве, смотрел все репортажи. И сейчас... Словом, я хочу продолжить его дело.

– Ах вот оно что!

– Если ты что-то услышишь или узнаешь на эту тему, дай знать пожалуйста.

– Хорошо, обязательно. Информация, знаешь, сама притягивается, когда начинаешь о чём-то думать.

– Да, именно.

– Послушай, Марон. Не мог бы ты, как член Совета, дать

мне ВИП-допуск в Хранилище?

– Конечно, без проблем. Держи. На карточке код. Он одноразовый.

– Благодарю.

Прощаясь, я протянул ему руку, а потом мы вдруг обнялись. И я с болью подумал, что больше никогда его не увижу.

Чередой эмоциональных перепадов немного пугала. Выйдя из добровольного заточения, я как будто сорвался с горы и полетел вниз, ударяясь о выступы и переворачиваясь в воздухе. Я убеждал себя, что это просто реальная жизнь, но чувство было такое, как будто заново учусь ходить.

– Спокойно, Сандерс, – говорил я себе, – надо сосредоточиться на цели и не отвлекаться. Ты не сможешь решить всех проблем этого мира, займись одной.

Ситуация с Мароном при всей своей драматичности на этом этапе вопросов не вызывала. У него я узнал всё, что хотел. А вот после разговора в баре у меня осталось ощущение, что что-то важное я упустил. Вернувшись домой, я сел, закрыл глаза и постарался слово за словом воспроизвести весь диалог Пата и Чена. Моей задачей было отметить любой факт, который был мне раньше неизвестен. И я нашёл его! Причём, очень быстро.

Это казалось просто шуткой, но требовало серьёзной проверки. Действительно ли существовали таинственные рабовладельцы, заманивавшие людей на планеты под видом предоставления работы? Это надо было выяснить завтра,

а сейчас выспаться. Казалось, что за этот день я прожил несколько жизней.

Глава 13. Хранилище

Подземное Видео-хранилище было создано после того, как однажды обрушилась сеть. Её удалось восстановить, но многие данные были безвозвратно потеряны. Дополнительным фактором стала появившаяся угроза уничтожения населения земли и желание сохранить память о земной жизни и истории. Руководители ведущих стран, призвав экспертов и посоветовавшись, решили создать защищённую подземную видеотеку, практически безграничного объёма. Благо, соответствующие носители уже имелись.

Надо отметить, что именно тогда появились летающие миникамеры, и повальным увлечением землян стало фиксировать абсолютно всё происходящее. После долгих дебатов и множества общественных выступлений, доходивших до драк с полицией и разгона демонстраций, был принят общепланетный закон о видео-данных. Он был на редкость прогрессивным и свободным. И оформлен таким образом, что изменить его можно было только на общепланетном референдуме. Результат был заранее известен, так что никто и не пытался.

Закон гласил, что в защищённый банк Хранилища каждый может сливать любое видео в любых количествах, плюс в него автоматически должно передаваться всё, появляющееся в сети. Запрет был только на детское порно. В то вре-

мя, как сеть была опутана системой запретов, доступ ко всем материалам Хранилища был совершенно свободен для всех желающих в любое время. Расчёт был на обычную человеческую лень, и он целиком оправдался. Сеть оставалась сетью, и в ней тоже содержались мегатонны видеoinформации. Так что народ поначалу ринулся в прохладные и отлично оборудованные залы Хранилища, а потом осознал, что можно легко дотянуться до всего необходимого, сидя дома или под пальмой у моря.

Как ни странно, в случае с Хранилищем, свобода никак не повредила безопасности, даже наоборот. Мальчишки бегали туда смотреть «запрещёнку», но, если взрослые начинали часто интересоваться отделом с уголовщиной или терроризмом, за ними устанавливали негласный контроль. Добропорядочным людям это никак не мешало.

Под сводами Хранилища полиция открыла особый отдел, занимавшийся просмотром видео с мест преступлений. Печаль заключалась в том, что преступники хвастались своими подвигами, пользуясь настройкой «открыть после моей смерти», так что полицейским оставалось искать материал, который мог протянуть хоть какую-то ниточку к раскрытию современных преступлений. Иногда обнаруживались ошибки и ложные обвинения в прошлом, и это приводило к выплате огромных компенсаций. За это народ полюбил Хранилище, хоть матери и ворчали про «дурное воздействие на неокрепшие умы».

Хранилище было прекрасно! Выступающее полукруглым холмиком над землёй оно прикрывалось сверху как шапочкой слегка наклонённым диском крыши, представляющей собой сплошную солнечную панель. В течение дня крыша поворачивалась, как подсолнух следуя за солнцем, а когда оно уходило или скрывалось за облаками, замирала в том положении, в каком её застал этот неприятный момент. Стены наземной части были прозрачными. На входе лениво сидел или прохаживался смотритель. На него никто не обращал внимания, он не задавал никаких вопросов, но я знал, что работает он лучше всякого сканера, безошибочно вычисляя потенциально опасных посетителей. Если что-то вызывало его беспокойство, рядом с вошедшим как бы случайно оказывался человек, весь увешанный под одеждой датчиками. Если тревога была ложной, посетитель не испытывал никакого беспокойства и даже не понимал, что его в чём-то заподозрили.

Бесшумно открылись двери лифта, и я плавно спустился в подземный просмотровый зал. Мальчишкой я бегал туда по лестнице, это всего два этажа вниз, но сейчас мне доставляло физическое удовольствие прикосновение ко всем элементам комфорта в этом чуде свободомыслия, технического совершенства и архитектурной элегантности.

Просмотровые залы тоже были круглыми. Они занимали целых 3 этажа, но сейчас стояли почти пустыми. Затем шёл этаж, который делили между собой полицейские, учё-

ные и программисты. Последний из доступных на лифте – отдел обслуживания и собственной безопасности Хранилища, а оттуда, пройдя несколько уровней проверок, можно по узкой лестнице пешком дойти до двери, которая по слухам ведёт в длинный коридор. По слухам же, само Хранилище находится в нескольких километрах от здания и совсем глубоко под землёй. Это вполне возможно.

Я смотрел на концентрические круги специально оборудованных кресел, пытаюсь определить, где сидел в детстве. Но тут я не остался. Минус круглого зала в том, что в нём нельзя забиться в уголок. Людей было немного, но мне в голову лезла чья-то фраза о читальных залах. О том, что чтение – вещь такая же интимная, как любовь, и публичная читальня напоминает общественную спальню. Этажом ниже имеются отдельные просмотровые кабинки «для избранных» и, слава Марону, я к ним теперь принадлежал. Пешком спустился на этаж ниже и закрылся в просмотровой кабинке, откуда никто не мог услышать моих команд.

– Что я ищущу? Рабовладение. Рабство под видом работы. Межпланетная рабовладельческая мафия. А может межгалактическая?

Перед глазами возник экран, слева от которого засветилась вертикальная шкала времени, разбитая по годам и эпохам. Едва я произнёс «Рабовладение», стал проваливаться в прошлое с таким звуком, будто лечу в колодезь. Я мысленно «поблагодарил» программистов за этот аттракцион, а пе-

редо мной уже мелькали кадры из каких-то художественных фильмов про древний Египет.

– Выше! – скомандовал я и полетел вверх по шкале исторических периодов.

Вот я уже видел каких-то волонтеров, накрывших магазин в Москве, где хозяева держали рабынь-узбечек и били их за малейшую провинность. Потом мужика на стройке, у которого отобрали документы и деньги, а он дрался и требовал всё вернуть. Его тоже били.

– Ещё выше! – кричал я машине. – Космические корабли, межпланетные полёты.

Мелькнуло лицо Величайшего. Я задержал движение вверх и дал себе волю немного понаслаждаться его выступлением в университете. Величайшего все называли без добавления имени. Другого такого всё равно нет и не будет. Он сделал возможными полёты через галактики. Перевернул причинно-следственную связь между пространством и его виртуальной моделью. Теперь происходящее в модели реализовывалось в реальном мире. Надо было только очень точно модель построить.

Практически это означало следующее. Космический корабль совершал полёт по выбранному маршруту. Виртуальный двойник этого корабля двигался по тому же маршруту в виртуальной модели этой космической области. Понятно, что модель была небольшой и расстояния там были как в обычной компьютерной игре. То есть, требовалось ка-

кое-то время, чтобы долететь до выбранной планеты, но это были максимум часы, а не годы, как в реальности. «Эффект обратной связи», как его называли, работал так, что происходящее в модели буквально в тоже самое время происходило и в реальности. Только модель должна быть очень точной, и между кораблём в реальности и его виртуальным двойником должна быть правильно установлена связь.

Подключившись к своему виртуальному двойнику, пилот корабля вёл его не через реальное, а через виртуальное космическое пространство. Поэтому любой точки можно было достичь на удивление быстро.

Полёт через искусственную модель таил немало опасностей со стороны реального космоса. Из самых явных – метеориты и вражеские корабли. Их появление нельзя предугадать. В виртуальной модели их просто не было. И это было настолько опасно, что полёты с людьми на борту долго откладывались. Множество спутников было потеряно в период разработки системы, однако любой спутник, даже улетевший в открытый космос, продолжал приносить бесценные данные о расстояниях до космических объектов и их характеристиках.

Лёгкое и изящное решение «проблемы непредвиденных объектов» предложил студент из Северной Кореи. То есть, Корея была уже одна, но северяне при любых достижениях любили подчеркнуть, что они из северной части.

Надо сказать, что много лет государственные границы

считались атавизмом. Все были уверены, что скоро они отомрут. Но как только перспектива слиться с общечеловеческой массой стала совсем близкой, поднялась такая волна борьбы за свою уникальность, что сочли за лучшее оставить всё как есть. И в любых международных и межпланетных программах вопрос сохранения уникальности был одним из обязательных.

Внешне границы были прозрачны. И перейти любую можно было где угодно, но, когда ты к ней приближался, ощущал силовое поле препятствия, а перед глазами возникала светящаяся надпись «Вы приблизились к границе такого-то государства». Затем голос задавал несколько вопросов, путь открывался, а информация улетала в банк пограничной полиции.

С тех пор, как роботов научили различать ложь, никакие документальные подтверждения слов не требовались. Правда, криминальные элементы упражнялись в иезуитских формулировках, формально правдивых, но ловко скрывающих истинные занятия и намерения. Программы обновлялись, а борьба человеческого интеллекта с искусственным как была увлекательной, так и остаётся до сих пор.

Но я отвлёкся. Студент Йонг Чо придумал снабжать корабли особо-сильными радарными, которые засекали любые непредвиденные объекты на очень большом расстоянии. Стоило появиться чему-то, не нарисованному в виртуальной модели, управление кораблём перестраивалось на режим ре-

ального пространства и реального времени. Тоже самое происходило и при выходе на орбиту нужной планеты. Посадка и все дальнейшие действия осуществлялись в реальном режиме. Это упрощало и задачи моделирования – не было необходимости подробно прорисовывать планету.

Как только путь в бескрайние космические просторы был открыт, человечество как с цепи сорвалось. Начался период, известный как Лихие времена.

Если внутри нашей галактики уже существовали законы и правила, то за её пределами начинались космические преири, по которым носились все, кому не лень – от азартных учёных, наконец получивших возможность проверить свои теории, и бизнесменов, осваивающих новые рынки, до просто искателей приключений, мошенников всех цветов спектра и сексуально озабоченных любителей инопланетной экзотики. Я вдруг понял, что аферистов-работорговцев надо искать именно здесь. Если они вообще существовали.

– Лихие времена, – скомандовал я машине. – Работорговля.

Часть данных оказалась закрыта, потому что касалась других планет. В этом случае не помогал VIP-статус, ключ надо было получать у представителей планет. Это дело сложное и долгое, так что пока придётся отставить. Вставляю чип на запись, набираю код. Машина неохотно даёт разрешение. Экран полусферический, создающий ощущение погружения даже в простое, плоское видео.

Жара. Пыль. Огромный палаточный лагерь, наполненный японцами, исхудавшими и измученными. Приземлившийся вертолёт. Я сразу понял, где это! Мы проходили это в школе, и нам показывали художественный фильм. Хотя сейчас шла подлинная хроника. Одна из самых страшных природных катастроф – исчезновение Японии в морской пучине, всех островов разом. Это эпическое зрелище обожали киношники и создатели видеоигр. Невозможно было удержаться и не скомандовать машине откатить немного назад.

Я увидел японского президента, поднятого посреди ночи, с лицом белым, как мел. Перед ним стоял министр экологии с самым кратким из возможных докладов:

– Господин президент, Япония завтра исчезнет. У нас один день.

Потом президент обращался к нации, изо всех сил стараясь сохранять железное спокойствие. Речь его была деловой и тоже краткой:

– Месяц назад мы проводили учения, отрабатывали действия при землетрясении. То, что нас сейчас ждёт, не сравнимо по уровню опасности. Завтра все наши острова пойдут ко дну. Я очень прошу сохранять спокойствие и организованность. Каждый из вас знает, где находится ближайший аэродром и космопорт. Отправляйтесь туда немедленно. С собой можно взять только документы, наличные деньги и лекарства. Для детей запас еды на пол дня. Мы получили гарантии от Великого Совета земли в том, что бу-

дем обеспечены всем необходимым. Японские банки сейчас переводят сбережения в заграничные филиалы. Наличность будет отправлена отдельным самолётом, не волнуйтесь за свои сбережения. В больницах эвакуацию организовывают военные. Не беспокойтесь о своих больных, немедленно выезжайте. Транспорт продолжает работать. Члены правительства, чиновники и социальные работники отправятся последним рейсом. Не теряйте ни минуты и больше не ждите сообщений. Первые рейсы уже отправляются.

Потом я увидел берег с пришвартованными яхтами и лодками. И группу парней, бегущих к причалу. А за ними, спотыкаясь и чуть не падая от усталости, бежала девушка с криком и плачем:

– Вы психи! Вы не успеете! Не надо! Пожалуйста! Поехали в аэропорт!

Но парни звали её с собой, уверенно запрыгивая на борт яхты.

Они отчалили, а девушка схватила топор с пожарного щита и, как безумная, стала рубить канаты всех подряд стоявших там лодок. Из подъехавшей машины выскочили двое мужчин с криками:

– Ты что делаешь?! Стой, сумасшедшая!

Побежали к берегу, но их яхту уже относил волной. Один даже бросился в воду, но понял бесполезность попытки и выбрался на берег, красный от злобы. Он было даже замахнулся на девушку, но в этот самый момент из машины вышел

старик и остановил его властным жестом. Мужики нехотя забрались обратно в машину, а через пару секунд дверь открылась, и старик крикнул девушке:

– Садись, у нас есть место.

Потом я наблюдал как парни, отчалившие на яхте, благополучно доплыли до берега, когда услышали сзади дикий рёв. Обернувшись, увидели стену воды, величиной с гору, летящую прямо на них. Это было последнее, что они видели в своей жизни.

– Минус шесть, – открыл я счёт потерь.

Материала было так много, что я немного прокрутил вперёд. Не знаю, были ли ещё попытки спастись по воде. Знаю, что остальные погрузились на всё, что может летать, включая космические корабли. Корабли сразу легли на орбиту, совершили один оборот и приземлились на центральном космодроме Дальнего востока. Собственно, он единственный дал разрешение. Самолёты сделали по несколько рейсов. Последние пассажиры садились уже на фоне огненного марева и горящих потоков лавы, щедро разлившихся по горам. Самым последним поднялся на борт президент.

Немедленно, в онлайн режиме, собрался Великий совет земли, но все решающие переговоры велись за кулисами между ведущими игроками. Я видел их возбуждённые лица и плохо скрываемое воодушевление. В срочном порядке был развёрнут необозримый палаточный лагерь и налажено снабжение. Японский президент, едва ступив на твёрдую землю,

собрал членов правительства, и они составили обращение к Великому совету с просьбой выделить японскому народу территорию для компактного заселения. Они желали сохранить уникальность своего народа и его жизненного устройства. Совет с ответом медлил. Народ ждал.

Наконец, над палаточным лагерем засветился огромный экран, так что все могли видеть и слышать обращение Председателя Великого совета. Люди высыпали из палаток и собрались на открытых площадках. Хотелось стоять рядом, чувствовать друг друга. Я вдруг узнал в толпе ту девушку, что рубила топором канаты яхт, и, поискав глазами, совсем близко нашёл старика с двумя молодыми мужчинами. Видимо, его сыновьями. Они стояли как вкопанные и смотрели на экран.

Председатель, седовласый и величественный, оглядел присутствующих с таким видом, будто вся тяжесть мировых проблем лежит на его плечах, и он очень устал, но держится. За одно это его требовалось ценить и уважать. Выждав паузу, предназначенную для того, чтоб на лицах членов Совета укрепилось почтительное выражение, он произнёс:

– Уважаемые члены Великого совета, главы всех стран и наций земли, в совет не входящих, все земляне и гости планеты. Все вы с тревогой и сопереживанием следили за драматическими событиями, происшедшими с одной из самых развитых стран Земли. Я, конечно, говорю о Японии.

В начальных словах речи Председателя к японцам даже

не обращались. Кто-то иной теперь брался решать их судьбу. Народ почувствовал неладное. Старик что-то шепнул на ухо сыну. А Председатель продолжал длинными и витиеватыми фразами, смысл которых был обёрнут в несколько слоёв уверений в любви и заботе, как горькие пилюли для детей в сладкую вату с застывшей корочкой густого сиропа.

– Жители Японии, в одночасье трагически исчезнувшей с лица земли, – на этих словах люди инстинктивно взяли за руки, чтобы физически ощутить, что Япония здесь, что они и есть Япония, – обратились к Великому Совету и всем странам земли с просьбой выделить им территорию для компактного совместного проживания. Но главы государств-членов Великого Совета хотят предложить японцам лучшую альтернативу.

– Зачем вам, братья, – патетически воскликнул он, – начинать новую жизнь с нуля на пустой земле? А только такую и могут предложить главы всех имеющихся стран. И это понятно. Они были избраны своими народами, чтобы отстаивать их интересы. Зачем вам принимать на себя невероятные трудности и лишения, которые могут отбросить ваше развитие на много лет назад? Мы предлагаем вам лучшее будущее. 5 ведущих стран земли готовы распахнуть свои объятия и принять пострадавших, сразу обеспечив вам привычный уровень жизни и компенсации за перенесённую моральную травму.

Он ещё долго распинался про самые престижные рабочие

места, высокие зарплаты и комфортное жильё, но его уже никто не слушал. Одни закричали гневно и отчаянно, а другие стояли неподвижно, только сейчас осознав, что их списали со счета, что их история кончилась. Что страны больше нет и не будет, а уникальных специалистов сожрут и переварят главные хайтековские монстры, для которых катастрофическое извержение Фудзи было подарком. Одним махом с карты земли как резинкой стиралась страна-конкурент, а знаменитые японские мозги теперь можно было заставить работать на себя. Упустить такой шанс они не могли. И противопоставить им народу было нечего. Что могут люди, ютящиеся в палатках и принимающие пищу из рук интересантов?

Правда, имелись космические корабли. Но, к своему удивлению, решившие их проведать хозяева натолкнулись на хорошо вооружённую охрану. На космодром никого не пускали. Потом быстренько объявили карантин, и охрана появилась и вокруг лагеря. Выехать можно было только организовано в одну из принимающих стран. Доставленную из страны наличность передали банку, но отделений банка в палаточном городке не было. Люди были поставлены в полную зависимость от «благодетелей».

Пищевой паёк, весьма приличный поначалу, резко сократили, и многие семьи с детьми уехали. За ними уехала ещё примерно половина лагеря, соблазнённая роскошными условиями, которые предлагали агенты 5-ти стран. Президент хотел остаться в лагере, но сами люди уговорили его выехать

для личных встреч с главами государств и фондов. Оставаясь в лагере, он ничем не мог помочь своему народу.

Среди оставшихся была группа военных, разработавшая дерзкий план прорыва на космодром и захвата кораблей. Когда план был продуман до малейшей детали, они предложили его людям. Так больше трети оставшихся, потеряв пять человек в перестрелке с охраной, улетела в неизвестном направлении. Больше о них никто не слышал. Предположительно, они постарались покинуть пределы галактики.

А теперь я наблюдал, как, поднимая клубы жёлтой пыли и сдувая с верёвок, натянутых между палатками, только что постиранное бельё, на небольшую площадку посреди лагеря опускается вертолёт. Сделано это был с шиком. Да и сама машина была из самых последних на то время моделей и блестела на солнце новеньким покрытием без единой царапины. Распахнулась массивная дверь и на выдвинувшийся трап ступил крупный мужчина в военной форме. Широкий армейских ремень плотно охватывал его живот, высокие сапоги были отлично начищены, скульптурной лепки лицо украшала волна тёмных густых волос с благородной проседью. Он как будто совсем не замечал жары.

– Это не настоящий военный, – подумал я. – Слишком шикарная у него причёска.

Толстый, как я его мысленно назвал, величественно спустился на землю, и тут за ним появилась его полная противоположность. Тощий вертлявый человечек в грязноватом хи-

тоне, постоянно вытирающий пот скомканной в руке тряпкой, часто крутил головой, жадно, даже алчно всматриваясь в окружающее. Казалось, он боится, что, если сейчас не повернёт голову, что-то упустит, от него спрячут что-то важное. Продолжая вертеться, он спустился по трапу, по-женски приподнимая край своего хитона. Потом подошёл к Толстому, что-то ему сказал, и тот послушно направился к вертолёту принимать большой свёрток.

– А тощий главнее! – удивился я.

Свёрток оказался очень симпатичным шатром-трансформером. Толстый быстро и ловко его распаковал и с таким видом глядел на то, как он разворачивается в комфортабельное походное жилище, будто был его создателем. А потом перенёс туда три сумки.

Пилот оставался в кабине и показался только на секунду, сразу убравшись в тёмную внутренность вертолёта. Он сидел там до вечера и вышел только когда стемнело, сразу скрывшись в шатре. Но мне хватило той секунды! Я уже знал, что он с Орна. Чистокровный, самый что ни на есть. С изумрудно-зелёной кожей без посторонних оттенков.

Всю троицу я окрестил Толстый, Жадный и Зелёный, даже не подозревая, насколько был прав насчёт Жадного.

Глава 14. Вербовщики

Толстый подошёл к первому появившемуся из палаток человеку и спросил, кто у них старший. А затем вежливо, со всеми полагающимися условностями, попросил пригласить его на встречу с прибывшей делегацией. Толстый свободно говорил по-японски и, помимо обязанностей носильщика, легко справлялся с функциями переводчика и даже дипломата. А сейчас быстро расставлял возле шатра походный столик и складные сиденья. Затем на столе появились стаканы и по местным меркам роскошь – кувшин с холодной водой. В её хрустальной прозрачности посланцами далёкой цивилизации плавали не успевшие растаять кубики льда.

Жадный тем временем то забегал в шатёр, то подбегал к Толстому. Внутрь городка не входил. Наконец появился пожилой японец и остановился, вопросительно переводя взгляд с одного на другого. Толстый пригласил его сесть и налил воды. Жадный уселся напротив. Вид его сделался хищным и угодливым одновременно. Теперь Толстый склонялся между ними и переводил слова Жадного.

Японец к воде не притронулся. Лицо его оставалось непроницаемым, но я заметил, как он на миг скосил взгляд на воду. В тот момент, когда исчезал последний кубик льда.

– Мы слышали о страданиях вашего народа, и нам известны ваши требования. Больше того – мы их понимаем.

Мы приложили ряд усилий для того, чтобы они были приняты, – проговорил Жадный.

– Кто вы? – коротко спросил японец.

– Наше имя Вам ничего не скажет. О нас узнают тогда, когда попадают в беду. Мы межпланетная организация помощи беженцам и переселенцам.

Тут Толстый жестом фокусника достал из-за пазухи папку и положил на стол со словами:

– Вот наши регистрационные документы.

Японец открывать папку не стал, слегка отодвинув её рукой.

– Что вы хотите? – прошелестел его голос.

– Мы хотим предложить вам компактное проживание с работой.

– Где?

– Вот здесь.

Жадный ловко открыл папочку и выудил из неё пластиковый листок. Толстый прикрепил к нему маленькую прищепку с чипом, и изображение на поверхности ожило и приобрело объём. Потом и Жадный, и старик-японец склонились над листком и стали что-то обсуждать, сдвигая и увеличивая изображение, а потом возвращая его в исходное состояние. Было плохо слышно, только Жадный периодически отклонялся, тыкал пальцем в картинку и называл какие-то баснословные суммы. Видимо, говорил о возможностях организации и помощи, которую они оказывают.

– Какие гарантии вы можете предоставить? – спросил японец.

– Наше честное имя! – патетически воскликнул Жадный. – Ну и конечно мы составим официальный договор. Вот разрешение на наше право вывезти вас с территории лагеря. Ничего лучше вам никто не предложит. Вас просто бросили. Это не моё мнение, у нашей организации есть информаторы в правительствах всех стран.

– Если мы согласимся, что от нас потребуется?

– Ровным счётом ничего. Только согласие.

– Когда мы должны дать ответ?

– Через три дня. Мы побудем тут, любой может подойти к нам и задать любой вопрос. Мы действуем совершенно открыто.

Старик ушёл, не выразив никакой реакции.

Я отмотал немножко назад, пытаюсь рассмотреть, что было на том листочке. На самом ясном кадре можно было понять, что это карта некой космической области. То есть, речь шла о переселении на другую планету. Но на какую? В принципе, работорговцы могли назвать любую. Но среди японцев было немало специалистов, которые могли разоблачить обман. Информация должна была выглядеть правдоподобно.

Я высмотрел кадр с отмеченной планетой. Но картинка была настолько мала, что понять, где это, не представлялось возможным. Тогда я решил попробовать возможности программы Хранилища. Увеличил картинку так, чтобы и стол,

и люди оказались за кадром, и стал смотреть, как программа определит местоположение выделенного объекта. Думала она долго, а потом выдала два варианта ответа: космический объект или рибосома клетки гриба. Про гриб мне понравилось.

Насколько я понял из следующих кадров, у японцев в лагере образовалась система самоуправления. Лагерь делился на сектора, каждый из которых выбирал себе представителя. Вместе они решали все вопросы и выбирали главу. Теперь главный рассказал о предложении незваных гостей представителям секторов, и они стали ходить к Жадному, чтобы самим всё услышать и увидеть, а потом совещались со своими людьми. В шатёр их не пускали, все переговоры велись снаружи за столиком.

Мне казалось очевидным, что доверять такому типу нельзя. Но доведённые до отчаяния люди в ощущении тупика были рады любому решению. Им казалось, что главное – выйти за пределы лагеря. А уж там они ориентируются по ситуации. И всё же три сектора в полном составе отказались уезжать. К ним же присоединились «отказники» из других секторов. А девять, за редкими исключениями, согласились отправиться с неведомыми благодетелями.

На место сбора их перевозили самолётом в течение ещё трёх дней. Он улетал и возвращался за новой партией. При этом часть согласившихся отказывалась, а отказавшиеся вдруг соглашались. Только когда отбыл последний рейс,

отчалила и троица «пришельцев».

Последние минуты их пребывания в лагере выглядели так. Поздно вечером, когда уже основательно стемнело, из шатра вышел Зелёный и поднялся на борт вертолѐта. Я видел, что из-за палаток за ним наблюдают. Думаю, что оставшиеся рассмотрели цвет кожи пилота и порадовались, что не отправились с ним.

Потом Толстый упаковывал свернувшийся шатѐр, а Жадный прогуливался вокруг, подавая отрывистые команды. Он вдруг переменялся. Исчезла обычная суетность, движения стали точными и резкими. А когда он поднялся на верхнюю ступеньку трапа и победно поглядел на опустевший лагерь, я увидел гордо и высокомерно посаженную голову на тонкой шее и мысленно произнёс, – «Гриф». Все эти люди были для него падалью, которой он питался.

Я нашёл видео высадки вертолѐта и увидел затерявшийся в степях Монголии космодром, в центре которого блестели металлом три громадных грузовых корабля. Группа встревоженных японцев подошла к спустившемуся с трапа Жадному, говоря о том, что им обещали компактное проживание на Объекте. Он уверил их в том, что все обязательства будут исполнены в точности. А потом всех быстро и организованно погрузили, корабли оторвались от земли и утонули в чаще ночного неба.

Я ещё долго сидел, не в силах осознать и вместить увиденное. И мне необходимо было с кем-то всё это обсудить.

Глава 15. Раши

Пришло время встретиться с Раши. И если вы думаете, что он без меня скучал, то это вы зря. По его навороченному особняку, больше похожему на межпланетную космическую станцию, разгуливала очередная подружка, очень условно одетая. Я помню, как в начале нашей дружбы пытался запоминать их имена, пока не понял, что это пустое и бесполезное занятие.

Меня удивляла его способность пребывать в состоянии неизменного восторга по поводу каждой. И расставался он не потому, что ему что-то не нравилось в одной, а только потому, что другая была ну просто обворожительна. Вокруг него, как вокруг речного порога, всегда летали брызги страстей и закручивались спирали эмоций. Он постоянно кого-то утешал и кому-то что-то обещал. Порой это была сложная и тонкая игра, в которой надо было не забыть кому что сказано. При этом он искренне всех жалел и относился ко всем своим прошлым и нынешним пассиям с неизменной нежностью. Они это чувствовали и многое ему прощали. Я помню только одну умную, которая в тот момент, когда он вместе с ней уже даже всплакнул, жалеючи, назвала всё это цирком, влепила ему пощёчину и удалилась. Больше умных он старался не заводить.

Весь этот балаган прилагался к Раши как шуршащая упа-

ковка к последней модели суперкомпьютера. Упаковку можно было отложить или выбросить. На качество работы машины это совершенно не влияло. Раши был гением. А точнее магом и факиром виртуального пространства. Казалось, что подобно творцу этого мира, он творит из ничего, создавая законы бытия своих рукотворных миров.

Он мог всё: от вполне практичных и утилитарных программ любой сложности, которые заказывали ему военные и министерства, до забавных и даже дурацких штук, вроде моей записки, которые служили для развлечения праздной публики и становились хитами молодёжной моды. Надо сказать, что военные всегда внимательно следили за этими развлечениями, идеи которых порой опережали их запросы. У них воображения не хватало такое захотеть.

Узрев очередное творение Рашика, которое уже успело разлететься по школам, включая начальную, они вдруг спохватывались и кричали, что это надо срочно запретить, чтоб не увидели враги. Но каждый раз было уже поздно. Бабочки и мухи, садящиеся на носы учителей во время урока, были сделаны так, что убить их можно было только вместе со всем интернетом, вместе взятым. Военные вынуждено отступали, а Раши поступал новый заказ. Правда для меня так и осталось загадкой, как и когда он успевал работать – перерывов между похождениями не наблюдалось.

Такое чудо, как Раши, не могло возникнуть на ровном месте. Отец его, Абдельхатиб Шу, такой же носатый и с таки-

ми же чёрными, как смоль, волосами, был самым любимым учителем экономики высшей школы Центрального района, а может и всех времён и народов вместе взятых. На его уроки старались незаметно пробраться ученики соседних школ, хотя класс и без того был полон.

– Хуже его законов была только его жена! – сообщал Абдель слушателям доверительно и страстно. – Но я бы на её месте тоже взбунтовался. Вы только послушайте, что он творил!

И дальше следовал рассказ о реформаторе, который дошёл всех до ручки стремлением поучать, влезать в чужие профессиональные вопросы и контролировать всякую хозяйственную мелочь.

Его уроки были зрелищем, магией погружения и перевоплощения. Выплёскивая свои эмоции на публику, он ничуть не преувеличивал. Он от всей души переживал за ошибки коллег тысячелетней давности так, будто эти Луи и Адамы были его ближайшими родственниками. Даже больше – им самим! Всплеск надежд на успех реформ, крах и глубокий катарсис осознания ложности пути каждый слушатель пропускал через своё сердце и выходил очищенным и преображённым, как будто приобщившимся к тайному знанию.

Многие придумки Раши предназначались для любимого папочки. Сын считал, что стоит немного сбавить пафос. Но Абдель достойно держал удар. А история с мухами и бабочками вознесла его на недостижимую высоту.

– Ты представляешь, – рассказывал Раши, хохоча, – увидев на своём носу мою красавицу, он сначала застыл, а потом расплылся в улыбке, которая не предвещала ничего хорошего. Есть у него такая фирменная, плотьядная. Класс застыл. А он и говорит:

– Я сейчас проверю качество ваших знаний, – и вызывает самого гордого и самоуверенного. – Вы сейчас подробно разъясните нам плюсы и минусы политики государственного регулирования. Говорить Вы будете, молодой человек, глядя мне в лицо. В случае успеха, получите двойной высший балл. В противном случае – заслуженный.

Класс зашуршал в предвкушении шоу. Ученика не любили. Он начал отвечать, а отец с бабочкой на носу стал строить рожи. Ты можешь себе представить его рожи?! К класс давился от смеха, а ученик сбивался, отвлекался и путался. В итоге ушёл с позором под общее улюлюкание. Но Абдель обвёл всех грозным взглядом и заявил, что в течение недели на месте отличника окажется каждый.

Класс охватил спортивный азарт. Все кинулись с двойным усердием учить экономику. А отец позвонил мне и заказал муху. Да ещё, чтобы она садилась на нос ученика, а потом перед им летала. Я с него ещё деньги содрал за заказ. Но потом кто-то пожаловался в министерство, и праздник жизни прекратился. Зря. То, что тогда выучили его ученики, они никогда не забудут.

Мы уже сидели на его террасе, любовались фантастиче-

ским видом на город, пили свежайшие соки (алкоголь Раши не употребляет вообще) и пытались быстренько залатать образовавшуюся за 3 года брешь в той жизненной ткани, которая всегда была у нас общей. По моему виду Раши сразу понял, что я не очень настроен на просто расслабление и дружескую болтовню, что у меня есть серьёзная тема. Его подруга, на этот раз шоколадного цвета, двигалась бесшумно, как в плавном танце, унося одни напитки и закуски и принося другие. Я даже подумал, что это удобно. И красиво.

– А как ты познакомился с Дэни? Она не похожа на твоих подружек.

– Да очень просто. Меня позвали прочитать популярную лекцию в Улей.

– В Улей? Там читают лекции?

– Там много чего происходит, тебя просто давно не было.

– Так вот. Она подошла ко мне после лекции и сказала, что хотела бы подробнее прояснить один вопрос. Я пригласил её к себе. До сих пор проясняем.

– Здорово! Похоже, что я и правда много чего пропустил. Долетали слухи о каких-то забастовках и демонстрациях.

– О, да! Это была великая битва за мозги. Но давай об этом потом. Ты что-то хотел рассказать.

Когда я договорил о Японии, Раши добавил известное ему продолжение:

– После того, как та партия улетела, был большой скандал – документы у мошенников оказались поддельными.

Их охранники передали в департамент, там и проверили. Но расследование велось вяло, а потом и совсем заглохло. А на оставшихся в лагере просто махнули рукой. Вроде президент добился, чтобы им передали часть банковских сбережений. Но что они могли купить? До ближайшего жилья сотни километров. Еду какое-то время поставляли, видимо пока не закончился контракт, а потом перестали. Немного спасали челноки, пробиравшиеся к пленникам с риском для жизни: кто из жалости, кто за наживой, бессовестно задирая цены. Но этого едва хватало. А потом сняли охрану, и люди начали искать пропитание в тайге. А в один прекрасный день все туда ушли. Их никто не преследовал и не искал. Ходят слухи, что в глубине тайги растёт прекрасный город, который нельзя увидеть с самолёта. Но может это и сказки.

– А я знаешь о чём думаю? Ведь на Молчаливой далеко не только японцы. И на том космодроме были разные люди. Откуда они взялись?

– Ты пока не можешь быть уверен, что они отправились на Молчаливую. Может, сначала на Орн? Ты забыл, что у нас ещё не было таких технологий?

– Всё равно я уверен, что в итоге они оказались на Объекте №3056N. И надеюсь это доказать.

– Тот Зелёный – это ключ. Единственное, что мы можем знать точно, это то, что ниточка тянется к Орну. Думаю, что там и разгадка происхождения остальных.

– погоди! Я ж совсем забыл тебя спросить! Помнишь, как

ты делал работа для домашнего хозяйства?

– Ещё бы! Такое не забывается.

– Тогда признайся – у кого ты купил программу для вытирания поверхностей?

Раши на секунду помрачнел, а потом заулыбался.

– Я не имею права раскрывать этого поставщика, это условие договора. Но ты же спокойно можешь это узнать и без моих откровений.

– Дааа, без визита на Орн не обойтись, – неохотно протянул я. – Но там может случиться что угодно, а я хочу побывать на Молчаливой.

– Ты боишься? Мы же их победили.

– Орн нельзя победить. Они как плесень – высокоорганизованная и безжалостная. Пока их мало, экспансии не будет. Но как только им станет тесно...

– Но они же могут заселять другие галактики, что им до Земли? Им места в космосе мало? Это тогда ты наступил им на хвост. То есть не ты, а твой папаша сотоварищи. Я рассмеялся:

– Ничего себе оговорочка!

И тут у меня как в голове прояснилось.

– Раши, ты гений. У меня правда появилось такое чувство, что я решил прожить тот кусок жизни, который Чен, то есть отец, не успел, то есть не смог. Ему пришлось бы раздвоиться. Я теперь за него, понимаешь? Как будто кто-то посмотрел на меня сверху и решил, что ну раз с моей собственной

жизнью не получилось...

– Типа – попытка неудачная? Апгрейд системы?

– Да, что-то в этом роде.

– Ну ты загнул! Тебя хоть можно твоим именем называть?

– Да ну тебя.

Я как-то совсем не был настроен на шутки.

– Ладно. Скажи, что по поводу Орна? Чем он опасен?

– Если бы я знал! Они же не просто так собрали кучу землян и куда-то увезли? Зачем?

– Да, это вопрос. Я вообще удивляюсь, что это так гладко прошло.

– Так наши чиновнички небось только обрадовались.

С глаз долой – из сердца вон.

– Когда ты летишь?

– Завтра. А сейчас мне надо в лабораторию на доклад, хоть и очень неохота.

– Приезжай потом ко мне. Поедем в Космопорт вместе.

Раши вскочил и заходил туда-сюда по комнате.

– Что-то такое заваривается! Я такие вещи чую. И хочу посмотреть на того человека, о котором ты рассказал. Похоже, что он что-то знает.

– Давай лучше ты ко мне, я ведь живу совсем рядом.

– Ладно. Выспись по-человечески, а я приеду утром. Дэни приготовит тебе в дорогу что-нибудь вкусненькое.

– Ого! Давно она у тебя?

– Год.

– Редкий случай.

– Старею наверно.

Раши рассмеялся, но как-то нежно.

Глава 16. Первая экспедиция

Утро. Быстро собираю вещи и вызываю такси в Космопорт, сегодня не хочется идти пешком. Уже в дверях спохватываюсь и возвращаюсь забрать отцовский сувенир-железяку, Актус оставил его в доме. Усмехаюсь неопределённости выражения «отцовский сувенир». Когда-то он принадлежал Чену, потом Актусу. Хотя, если честно, то, что он принадлежал именно Чену, я выдумал. У него был точно такой же, это факт. Но это был типовой сувенир, как у всех тогдашних мальчишек. А вот книжка, подаренная Мароном, точно написана Актусом. Её я тоже беру с собой, хотя, судя по названию, это какая-то научная занудь. С Раши мы договорились встретиться в «Тихом еже», и он наверняка уже сидит там.

На этот раз в баре оказалось довольно много посетителей, так что хорошо, что Раши заранее занял столик. Он попивал кофе, да и мне даже пива не хотелось. Мы почему-то сидели молча, как будто не вчера расстались, а я только вернулся, и мы не можем найти общих тем для разговора. Дело было не в этом конечно. Просто стало понятно, что прежней жизни уже не будет. Что-то изменилось, а что мы сами толком не понимали. Хотя странно. Ну лечу я куда-то. Мало ли кто куда каждый день летает? Но тут было что-то большее. Это даже обсуждать не имело смысла, пока мы слишком мало знали. Когда пауза уже слишком затянулась, к нам вдруг

протиснулся и уверенно уместился на сиденье плотный человек. Я скорчил было недовольную гримасу, но она повисла, недостроенная. Передо мной сидел Сэм, бывший владелец Ежа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.